

**«Они вели себя дерзко и вызывающе»:
стратегии и тактики объяснения этнической ненависти**

*Анализ освещения расистского конфликта «Кондопога»
в четырех крупнейших российских газетах*

Элина Коскинен
Университет г. Тампере
Отделение современных языков и переводоведения
Русский язык и культура
Дипломная работа
Май 2010

KOSKINEN, ELINA: ”Oni veli sebâ derzko i vzyvauše”: strategii i taktiki ob”âsneniâ ètničeskoj nenavisti. Analiz osvešeniâ rasistskogo konflikta «Kondopoga» v četyreh krupnejših rossijskih gazetah / ”He käyttäytyivät röyhkeästi ja provosoiden” - etnisen vihan selittämisen taktiikat. Analyysi Kontupohjan rasistisen mellakan uutisoinnista neljässä venäläisessä sanomalehdessä.

Pro gradu -työssäni tutkin Kontupohjan rasistisen mellakan uutisointia neljässä venäläisessä sanomalehdessä: Izvestija, Komsomolskaja Pravda, Kommersant ja Rossijskaja Gazeta. Tutkimuksen tavoitteena on selvittää, millaisia erilaisia tulkintoja lehdet antoivat rasistiselle mellakalle ja millaiset teemat nousivat tapahtuman ympärillä käytyyn laajempaan keskusteluun. Työn lähtökohta on, että Venäjän karjalassa Kontupohjan kaupungissa syyskuussa 2006 puhjenneiden mellakoiden yhteydessä esitetyt kaukasialaisvähemmistön karkotusvaatimukset sekä vähemmistön omaisuuteen kohdistuneet tuhotyöt olivat luonteeltaan rasistisia, ja hyvän journalistisen tavan mukaisesti tiedotusvälineiden ei tulisi osallistua etnisten ennakkoluulojen levittämiseen, vaan tukea suvaitsevaisuuden ilmapiiriä yhteiskunnassa. Tutkielman tiedon intressi on emansipatorinen, joka tarkoittaa, että tutkimuksen tarkoituksena on tehdä näkyväksi sellaisia negatiivisia puhetapoja, jotka saattavat tuottaa ja ylläpitää etnisiin vähemmistöihin kohdistuvia ennakkoluuloja ja syrjintää, sekä samalla kiinnittää huomiota sellaisiin positiivisiin puhetapoihin, jotka voivat edistää suvaitsevaisuuden ja tasa-arvon toteutumista yhteiskunnassa.

Työn teoriapohjan muodostaa Robert Milesin rasismi käsitys sekä kriittinen diskurssianalyysi. Tutkimusmetodina on käytetty kehysanalyysin (eng. *frame analysis*) tutkimusmenetelmiä. Kehyksen käsitteellä tarkoitetaan niitä erilaisia tulkintamalleja, selityksiä, syitä ja seurauksia sekä moraalisia arvioita, joita toimittajat antavat uutisoinnin kohteena oleville tapahtumille. Tutkimuksesta käy ilmi, että Kontupohjan mellakkaa kehystettiin analyysin kohteena olevissa lehdissä pääasiassa neljällä tavalla. Nämä ovat: *sodan kehys*, jossa mellakkaa luonnehditaan etnisten ryhmien väliseksi sodaksi ja tapahtuman syyksi esitetään tshetsheenvähemmistön rikollinen käyttäytyminen, *kansannousun kehys*, jossa mellakka kuvataan paikallisviranomaisten korruptoituneisuutta vastaan suunnatuksi poliittiseksi mielenilmaukseksi, *lain kehys*, jossa mellakka kuvataan viranomaisnäkökulmasta puhtaasti laittomaksi ilkeväkiseksi ilman rasistisia piirteitä sekä aineistossa harvemmin esiintyvä *bisneksen kehys*, jossa mellakan syiksi esitetään paikallisten yrittäjien väliset erimielisyydet. Tapahtumaa seuranneesta laajasta julkisesta keskustelusta esiin nousevat kahdenlaiset kannanotot. Ensimmäisen ryhmän mielipiteissä Kontupohjan tapahtumien nähdään kertovan etnisten ryhmien rikollisuudesta ja viranomaisten kyvyttömyydestä hallita tilannetta. Toisen ryhmän mielipiteet koostuvat pääasiassa sosiologien ja muiden asiantuntijoiden kommentaiteista. Niiden mukaan Kontupohja on vakava merkki sekä ksenofobian kasvusta että venäläisten madaltuneesta kynnyksestä ryhtyä rasistisiin tekoihin.

Tutkimus osoittaa, että Kontupohjan tapahtumia uutisoitiin lehdissä pääasiassa joko Kontupohjan venäläisen paikallisväestön tai viranomaisten näkökulmasta. Tapahtumaa ei usein luokiteltu lainkaan rasistiseksi, vaan sille annettiin muita tulkintoja, jotka osaltaan työnsivät tapahtuman ksenofobista aspektia julkisen keskustelun ulkopuolelle. Mellakoiden seurauksena Kontupohjasta evakuoimaan joudutun tshetsheenvähemmistön näkökulma puuttui huomattavasta osasta uutisia, eikä tshetsheenien vaikea asema Venäjän federaation kansalaisina saanut huomiota käydyssä keskustelussa.

Hakusanat: Kontupohja, rasismi, ksenofobia, kehysanalyysi

Содержание

1. Введение.....	1
1.1. Исследовательские вопросы.....	2
2. Сюжет Кондопоги.....	4
2.1. Расистский характер волнения в Кондопоге.....	6
2.2. Кондопога в СМИ.....	8
2.3. Материал анализа.....	8
3. Расизм.....	10
3.1. История расизма	10
3.2. Расизм как дискурс	12
3.3. «Старый» и «новый» расизм.....	14
3.4. Будничная категоризация и научный взгляд	15
3.5. Исследование расизма.....	16
3.6. Расизм и СМИ.....	17
4. Идентичность и групповое разделение.....	19
4.1. Идентичность	19
4.2. Механизмы группового разделения	19
5. Критический дискурс-анализ и понятие «фрейм»	22
5.1. Язык и социальная действительность.....	22
5.2. Общие характеристики дискурс-анализа	25
5.3. Критический дискурс-анализ СМИ	26
5.4. Понятие «фрейм».....	28
6. Анализ кондопожских новостей.....	32
6.1. Фрейм войны	33
6.2. Фрейм народного бунта.....	44
6.3. Фрейм закона.....	52
6.4. Фрейм бизнеса.....	59
7. Анализ кондопожской дискуссии.....	62
7.1. Кондопога – сигнал об «этнической преступности» и неэффективности властей.....	62
7.2. Кондопога – сигнал о росте ксенофобских настроений	67
7.3. Позитивные практики.....	76
8. Заключение.....	79
Список источников.....	83

1. Введение

В сентябре 2006-ого года маленький карельский город Кондопога стал известен практически всем гражданам Российской Федерации (РФ). Причиной тому служили происходящие в городе антикавказские волнения, вследствие которых из города уехало или было эвакуировано всего около 200 человек. Кондопога – находящийся в 47-и километрах от Петрозаводска на берегу Онежского озера город с 33,7-тысячным населением. События в Кондопоге быстро стали важнейшим информационным поводом во всей России, и их освещали и обсуждали практически во всех крупнейших федеральных и региональных средствах массовой информации (СМИ). Особенность кондопожских событий была в том, что, хотя расистские волнения в последние годы в России стали даже тревожно обыкновенными, никогда раньше в расистской кампании участвовало такое массовое количество так называемых обычных людей, а также в том, что волнение стало бурным, интенсивным и длилось так долго, что власти только с трудом могли взять ситуацию под контроль. Кроме того, в первый раз в России расистское волнение заставляло людей оставлять свои дома и местожительство.

Обсуждение темы в СМИ длилось всю осень, и топик достиг своего нового пика в новогодних газетных обзорах. Хотя представления средств массовой информации о причинах, приведших к народному волнению, и особенно о характере самого конфликта являлись многочисленными, одно было ясно. События в Кондопоге были самым потрясающим общественным и информационным явлением в России 2006-ом году. Как инцидент даже самое название «Кондопога» прекратило намекать только на свое географическое положение и получило целый ряд новых символических значений.

В данной дипломной работе мы будем анализировать, как реагировали российские СМИ на это особое событие. Какую картину они рисовали о событиях своим сотням тысяч или миллионам читателей по всей России, и какие причины и интерпретации они дали ситуации в Кондопоге? Вообще, как они справились с целью освещать расистское волнение без перестройки расистских предубеждений. И вообще справились ли они?

Хотя особенность кондопожских событий не проявляется только в интенсивности и длительности событий, но с ними соединяются и многие другие актуальные проблемы российского общества – наша явная позиция и исходный пункт все-таки те, что волнение в Кондопоге было по своему характеру бесспорно расистским. Уничтожение имущества или требования выселения с местожительства человека из-за этнического происхождения всегда являются расистскими поступками, которые не только юридически,

но и морально предосудительны, и мы считаем, что, согласно хорошим журналистским традициям, роль журналистов не распространять или оправдывать такие аморальные предубеждения, а однозначно порицать расистское поведение и содействовать развитию толерантности в обществе.

1.1. Исследовательские вопросы

Цель настоящей работы двойная: это, во-первых, понимание расизма как социального явления, и, во-вторых, подробное изучение языковых репрезентаций расистского конфликта в СМИ.

Исследовательским вопросом нашей работы является то, как описывали кондопожские события в четырех крупнейших российских газетах: «Комсомольская правда» (КП), «Известия», «Коммерсантъ» и «Российская газета» (РГ). Мы постараемся выяснить, как газеты объяснили ситуацию в Кондопоге, какие разные интерпретации они дали событиям и как они реагировали на расистское поведение участников событий. Характеризовали ли они событие, например, как расистское, межэтническое, криминальное, экономическое и т.д. и доминировали ли в газетах дискурсы мирные или провоцирующие конфликт. Особенно нас интересует, кто, по газетным публикациям, был виноват в ситуации и какие моральные оценки газеты дали.

Ответы на данные вопросы мы ищем с помощью двойного лексического анализа. В первой части анализа мы рассматриваем опубликованные в течение конфликта новости. Мы моделируем из новостей *фреймы*, т.е. те рамки, в которые журналисты помещали события Кондопоги. При анализе фреймов мы обратим внимание на созданные каузальные нарративы, роли разных деятелей в нарративах, на моральные реакции газет и предлагаемые ими решения проблем. Кроме того, мы будем обсуждать, какие дальнейшие общественные последствия способны вызывать идентифицированные нами новостные фреймы. Во второй части анализа мы рассматриваем прошедшую вокруг Кондопоги более широкую дискуссию. Мы анализируем, какие общественные значения и интерпретации дали событиям и как газеты относились к ксенофобскому характеру событий. Кроме того, мы обратим внимание на то, как новостные фреймы влияли на дальнейшую дискуссию и какие темы они или привнесли в дискуссию или, напротив, отключили от нее.

При анализе новостей мы обратим также особое внимание на роль идентичностей. Мы проанализируем, какие идентичности конструируют участникам

событий и какие риторические роли в новостях играют разные этнические и национальные идентичности. Мы рассматриваем особенно то, как этими идентичностями аргументируют или легитимируют разные поступки и действия деятелей. Обратим внимание и на то, подчеркивают ли в газетах этнические идентичности, разделяющие людей на разные блоки, или в них существует тенденция подчеркнуть всероссийскую гражданскую идентичность. В конце работы мы дадим краткую оценку тому, удалось ли газетам выполнить нормативное требование объективной передачи информации и представить события беспристрастно.

Что касается методологии работы, то в данном исследовании мы исходим из философско-теоретической базы социального конструктивизма, согласно которому язык – инструмент, с помощью которого мы понимаем и даем значения социальным явлениям и конструируем нашу социальную действительность. (Berger, Lukman 1966.) При анализе мы используем подход *критического дискурс-анализа*, и главным методом нашего анализа является анализ *фреймов*. Кроме фрейма, ключевыми для нашей работы являются и социологические термины *расизм* и *идентичность*.

В данной работе мы имеем познавательный интерес и считаем, что одна из задач науки – делать видными такие принудительные или дискриминирующие властные структуры и дискурсы, которые могут ограничить жизнь и действия индивидуума и властвовать над ним. Используемый нами подход критического дискурс-анализа включает в себя идею о том что, кроме критического анализа языка и раскрытия расистских или других дискриминирующих дискурсов, исследователи языка могут также помогать развивать такие виды использования языка, которые содействуют человеческому равноправию и толерантности в обществе (Reisigl, Wodak 2001:2).

2. Сюжет Кондопоги

Все детали о событиях Кондопога даже сегодня трудно выяснить, так как у каждой участвующей в событиях стороны есть своя версия о серии происшествий. Приведенные нами здесь факты базируются в большей степени на информации Информационно-аналитического центра «СОВА», который ведет исследовательскую работу по ксенофобии, национализму и языку вражды в российских СМИ, и на данных «Центра экстремальной журналистики», основной целью деятельности которого является защита прав журналистов в экстремальных условиях и утверждения свободы массовой информации. Кроме того, некоторые общие данные взяты из газетных статей из состава материала нашего анализа.

Начальным пунктом для развития событий в Кондопоге послужила драка, произошедшая в ночь на среду 30-ого августа 2006 г. в местном ресторане «Чайка», владелец которого был по национальности чеченец. Ссора между русскими посетителями и барменом, азербайджанцем, привела к массовой драке, в которой погибли два человека. По газетным данным 2006-ого года и по словам бывшего прокурора Карелии Петра Клемешова, конфликт начался, когда бармен ресторана попросил группу посетителей вести себя потише и не мешать другим посетителям ресторана. Посетители избили бармена, и он вызывал на место группу местных чеченцев, которые, очевидно, охраняли ресторан. В ресторане началась драка, в ходе которой были убиты два человека и ранены шестеро, все по национальности русские. Согласно прокурору Клемешову, бармен дважды попытался вызвать милицию, которая в конце концов и приехала на место, но не стала вмешиваться в ситуацию в ресторане. Подозреваемые в убийстве и нанесении побоев пять чеченцев и один дагестанец были арестованы до 5 сентября 2006 г. (Коммерсантъ 30.09.2006, Российская газета 30.09.2006.)

По данным «Центра экстремальной журналистики», с 30 августа, сразу после драки, в кондопожских Интернет-форумах были распространены призывы к жителям города «принять участие в митинге против бездействия органов охраны правопорядка» (Латышева 2006, www). В четверг 31-ого августа в Кондопоге начались уничтожения помещений выходцев из кавказских регионов. Днем, в пятницу, 1-ого сентября состоялись похороны погибших в драке, и уже вечером того же дня в город прибыли и представители ультра-националистической организации «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ),

лидер которого, по оценке «СОВА», потом активно участвовал в происходящих в городе публичных митингах (Кожевникова, 2007). Позже в события вмешивались и приезжавшие в Кондопогу представители движения «Наши».

В субботу 2-ого сентября на главной площади Кондопоги прошёл массовый митинг, участники которого потребовали от городской администрации, между прочим, выселить из города всех приезжих с Кавказа в течение 24 часов, вернуть торговый бизнес русским предпринимателям и создать народную дружину из ветеранов Чечни для контроля правопорядка в городе. (Кожевникова 2007, www, Латышева 2006, www, КП 04.09.2006.) В митинге участвовали около 2000 человек, и одним из руководителей выступал лидер ДПНИ. По оценке «СОВА», сайт движения «фактически стал координационным центром по подготовке и этого митинга, и дальнейших массовых мероприятий» в Республике Карелии. (Кожевникова 2007, www.) Выступавшие в митинге власти города обещали народу выяснить причину событий в ресторане «Чайка», наказать виновных и расторгнуть договор аренды с тем предпринимателем, который оказался не в состоянии обеспечить порядок в ресторане, но подчеркнули, что выдворять из города людей, которые проживают там на законных основаниях, они не вправе (РГ 04.09.2006).

После митинга несколько сотен человек отправилось к ресторану «Чайка». Состоявшая в основном из находящейся в состоянии алкогольного опьянения молодежи толпа потом предприняла ряд хулиганских действий, в том числе поджог ресторана и коммерческих палаток, осуществила попытки проникновения, ограбления и поджога магазина, принадлежавшего местным чеченцам (Латышева 2006, www). Совершена была и попытка поджечь дом, принадлежавший выходцам с Кавказа. В целях обеспечения личной безопасности из города срочно эвакуировали около 60 лиц представителей кавказских национальностей, которых разместили во временных пристанищах в Петрозаводске. Большинство эвакуированных из города были чеченцы, т.е. законные граждане РФ. Всего из города выехало около 200 человек. До вечера 2 сентября в городе был развернут оперативный штаб МВД Карельской республики, был усилен режим ОМОН, и в город приехали также премьер-министр Республики Карелия, министр внутренних дел Карелии и заместитель УФСБ республики. (Латышева 2006, www.) Во время конфликта в 35-тысячной Кондопоге было сосредоточено всего около 600 милиционеров и военных.

Беспорядки в Кондопоге длились всю очередную неделю, и во время волнения было уничтожено, разрушено и сожжено много имущества, а также торговые помещения, принадлежавшие проживающим в городе кавказцам. Сожжены были, между прочим, принадлежавшие чеченским владельцам ресторан, магазины, спортивный зал, рыночные

павильоны, зал игровых автоматов, четыре машины и мебельный цех. По данным «СОВА», за первую неделю сентября в Кондопоге было совершено не менее 20 поджогов (Кожевникова 2007, www). В течение недели в городе произошло еще два митинга, собравших меньше людей, в которых требовали, чтобы эвакуированные из Кондопоги выходцы с Кавказа не были допущены обратно. Аналогичные, но не такие крупные выступления граждан, протестующих против нелегальной иммиграции жителей Кавказа, произошли и в других регионах Карелии. (Латышева, 2006 www.) Ситуация в Кондопоге начала стабилизироваться только после введения комендантского часа 5 сентября.

Что касается юридических последствий событий, то во время беспорядков было арестовано 220 человек, из которых 25 предъявляли обвинения в хулиганстве. В марте 2007 г. в городском суде Кондопоги были признаны виновными в нанесении побоев официанту зачинщики драки в ресторане «Чайка». Кроме того, был признан виновным в халатности работающий той же ночью оперативный дежурный кондопожского городского отдела милиции, который не реагировал адекватно на звонки горожан. Судебный процесс над обвиняемыми в совершении хулиганских действий, умышленном причинении вреда здоровью и причинении тяжкого вреда здоровью четырех чеченцев и обвиняемого в убийстве двух человека дагестанца на данный момент все еще продолжается. В ноябре 2007 г. кондопожский городской суд признал еще 12 человек виновными в участии в массовых беспорядках и в проведении погромов, поджогов и уничтожении имущества. Каждому назначали наказание в виде лишения свободы сроком три года условно. Прокурор возбудил дело по статье «Возбуждение ненависти либо вражды» против лидера ДПНИ, но дело было прекращено за отсутствием состава преступления. (Коммерсантъ 03.11.2007.) В ходе расследования событий в Кондопоге были предъявлены обвинения и начальнику милиции общественной безопасности (МВД) республики Карелии, и начальнику отдела милиции города Кондопоги (ГОВД) за халатность и нерасторопность в предотвращении массовых беспорядков. В 2008-ом году присяжные Верховного суда Петрозаводска вынесли оправдательный вердикт обоим обвиняемым. (Коммерсантъ 04.12.2008.)

2.1. Расистский характер волнения в Кондопоге

Как характерно вообще для расистского поведения, в кондопожских событиях преступность некоторых отдельных индивидуумов рассматривали как общее свойство целой этнической группы, и данным стереотипным представлением потом обосновывали, кроме других,

повреждение недвижимого имущества и требования выселения из города индивидуумов, принадлежавших к данной группе.

В настоящей дипломной работе мы исходим из теоретического положения Роберта Майлса, согласно которому расизмом является каждый продуцирующий дискриминацию поступок, который основывается на сочетании «расовый» признак или этническое происхождение с отрицательным, гомогенным и стереотипическим представлением группы (Miles 1994:116-118). По Майлсу, признание явления связано именно с дискриминирующим результатом, а не, например, с тем, считает ли совершающий дискриминирующие поступки деятель сам себя расистом или нет. К определению Майлса о расизме мы вернемся подробнее в главе 3.2. *Расизм как дискурс*.

Исходя из данного научного положения, мы констатируем, что события в Кондопоге являлись классическим примером бесспорно расистского поведения. Криминальное поведение отдельных лиц представили как общее свойство целой этнической группы, и данным представлением легитимировали дискриминирующие поступки. Другими словами, совершенные преступления некоторых чеченцев в массовой драке и участие в событии бармена-азербайджанца стали характеризовать всех персонажей с признаками «кавказской внешности». Криминальность, незаконность и склонность к преступности видели как общую характеристику всех представителей кавказских национальностей. Как типично для расистской стереотипизации, всех людей, разделяемые по тем или иным внешним признакам, репрезентировали гомогенными, т.е. без исключения одинаковыми. С помощью данной репрезентацией потом мотивировали и основывали требование выселить из города всех представителей кавказских национальностей и легитимировали насильственное уничтожение имущества кавказцев.

Бесспорным научным фактом все-таки является то, что склонность к преступности человека зависит не от этнического или биологического происхождения (Rose et al. 1985, Montagu 1997), а от социальных факторов, например, от социальных и экономических условий, обстоятельств местожителство и.т.д. Таким образом, мы можем констатировать, что обусловленность поведения человека от этнической принадлежности является по своему характеру ложной предпосылкой и так же, как все стереотипы, так и данное представление включало в себя и невинных индивидуумов, которые никаких преступлений не совершали, а просто стали жертвами этнической ненависти.

2.2. Кондопога в СМИ

Дискуссия о кондопожских событиях, ксенофобии и межнациональных отношениях продолжала быть активной в российских СМИ еще долго после окончания самого события. Как интерпретации о самом событии, так и оценки освещения событий в СМИ были многочисленными, разными и даже противоречивыми. Например, в течение конфликта глава Республики Карелии Сергей Катанандов обвинял СМИ в том, что они искажают факты (РИА Новости 05.09.2006), а через некоторое время члены Общественной палаты РФ считали, что «журналисты освещают события в Кондопоге взвешенно и объективно» и это «говорит о том, что в России сформировалось довольно зрелое медийное сообщество» (РГ 14.09.2006). Особенно телеканалы критиковали за скандальный характер новостей и их обвиняли и в том, что они показывают участвующих в хулиганстве как национальных героев, но данная критика была направлена и на газеты.

Довольно общий анализ состава СМИ дали исследователи Балтийского исследовательского центра Филипп Казин и Василий Рубаник в журнале «Политический класс» в ноябре 2006 г. Анализ Казина и Рубаника все-таки сосредоточился на чисто механическом сортировке опубликованных в СМИ разных мнений и объяснений события, и недостатком его является то, что он рассказывает нам о том, что было сказано о Кондопоге и кем, но не о том, *как* СМИ освещали кондопожские события. Таким образом, в данной работе мы хотим выяснить, как именно удалось освещение расистского волнения в четырех крупнейших российских газетах. Отметим, что, например, неспособность журналистов обсуждать или признавать расизм автоматически не связана с нежелательностью, а может вытекать, например, из ритуальных журналистских обычаев и привычек.

2.3. Материал анализа

В качестве материала мы выбрали четыре выходящих минимум шесть раз в неделю газеты. Газеты с тиражами: «Известия» (177 000), «Комсомольская правда» (6400 000), «Российская газета» (218 905) и «Коммерсантъ» (135 000). Из газет «Известия» и «Комсомольская правда» (КП) придерживаются более национально-патриотической линии, а «Коммерсантъ» и «Российская газета» (РГ) зато находятся ближе к государственным властям, причем РГ выполняет роль официальной газеты Российской Федерации. Надо все-таки отметить, что в

сравнении с многими другими национально-патриотическими изданиями, «Известия» и КП являются довольно умеренными представителями патриотической линии, и что для нашего анализа мы выбирали газеты именно за их тираж, а не за политическую линию.

Весь материал взят из базы данных «Интегрум», и временным периодом является 1.9.2006 – 31.12.2006. В поиске материала мы использовали только ключевое слово кондопо*, так как использование дополнительных слов увеличило количество материала до таких масштабов, что его рассмотрение в рамках нашей работы не было бы возможным. С ключевым словом кондопо* количество результатов остается умеренным, но дает все-таки достаточный объем материала для результативного анализа. Общее неотсортированное количество статей было 276, из которого мы выбросили статьи, не касающиеся конфликта в Кондопоге. Окончательное количество статей, выбранных нами для анализа по газетам: Известия – 45, Комсомольская правда – 40, Российская газета – 72 и Коммерсантъ – 44. Общее количество статей – 201.

В анализе мы разделяем материал на две части. Мы выделяем в материале новости и другие касающиеся событий более обширные статьи.

3. Расизм

Каждое социальное явление имеет свою историю, которую оно продолжает и перестраивает. Так и расизм имеет свою долгую традицию, на которой строятся все современные виды расизма. В данной главе, перед подробным представлением теории расизма, мы представим краткую историю расизма и традиции отрицательных репрезентаций «другого». Мы считаем изложение этой истории необходимо важным для понимания современных видов расизма, так как многие из старых отрицательных представлений «других» все еще живут и повторяются в современных репрезентациях и стереотипах. Кроме того, изложение истории явления помогает нам понимать, как именно родились дискурсы, разделяющие людей мира на неравноправные блоки.

3.1. История расизма

Традиция отрицательных репрезентаций этнически «других» и история расизма начинается в Европе. До 15-ого века идентичность жителей Европы определяла религия. Люди идентифицировали себя в качестве членов христианской церковной общины и считали, что их место в мире определено Богом. (Hall 2005:29.) «Чужими» считали соседей, которые не разделяли христианскую веру, т.е. мусульман, которые населяли Иберию и юго-западную Европу. В текстах мусульмане описывались варварскими, деградировавшими тиранами. Источником таких свойств считалась исламская вера. (Miles 1994:35.) Такое традиционное соединение ислама с насильственным поведением повторяется и в материале нашего анализа. Представления о «жестоких мусульманах» поддерживала христианская церковь, для которой данная пропаганда являлась выгодной в ее стремлениях к крестовым походам. Вообще определение «себя» и «других» шло строго через теологическую рамку и религии христианства и ислама виделись оппозиционными друг другу. (Miles 1994:35-36.) В нашем материале варварское насильственное поведение ассоциируют особенно часто с мусульманскими чеченцами, но в некоторых редких случаях православную веру, например, грузинских и русских использовали и как соединяющий, объединяющий фактор.

В первой половине 15-ого века европейцы начали свои исследовательские морские экспедиции. Когда они встречали жителей «найденных» ими «новых миров», они

смотрели на этих людей с европейской точки зрения, примеряя европейские стандарты. Все, что было не как в Европе, казалось «неразвитым» и «низким». Европейцы были неспособны уважать другие привычки и практики, которые они встречали у «новых народов», и считали неизвестные культурные цивилизации *ниже своей*. (Hall 2005:116-117.) Различные репрезентации «новых народов» циркулировали в путевых заметках и рассказах. Типичным для практически всех репрезентаций, независимо от континента, было характеризовать коренных жителей через разделение. Иначе говоря, для рассказов выбирали именно негативные характеристики, которые отделяли коренных жителей от «западных» и «высокоразвитых» европейцев. Характеристики, общие для обеих групп, просто вычёркивали, и в репрезентациях подчеркивали и физические, и культурные различия. (Miles 1994:38.) Европейцы репрезентировались как благородные и образованные люди, а остальные – дикие, зверские и сексуальные каннибалы. (Hall 2002:114,115,120,121,126.) Как мы покажем в нашем анализе, данная логика разделения и вычёркивание общих характеристик повторяется и в проанализированных нами газетных статьях, в которых этнически «других» представляют часто стоящими *ниже* по уровню культуры и *ниже* по уровню цивилизованности, чем русское этническое большинство, и в некоторых случаях даже неспособными сдерживать свои сексуальные желания.

В конце 18-ого века репрезентации соединились с термином «расы». В науках изобретали разные расовые категории, проводили черепные измерения и классифицировали расы по признаку умственной способности. Ученые считали, что существует связь между расой и духовными свойствами человека. Выдуманные ранее в путевых рассказах отрицательные идентичности «других» сочетались теперь с физическими признаками, т.е. воображаемой расой. (Miles 1994:52-60.) В то же время колониализм и работорговля достигли своего пика, и отрицательным репрезентациям о «других» содействовали и экономические цели. (Miles 1994:12-13,156,160.) «Расой» обосновывали неравные позиции людей мира и оправдывали доминирование и эксплуатацию одних над другими. Далее мы укажем в нашем анализе, что и современные отрицательные репрезентации часто имеют именно экономические цели.

Во второй половине 19-ого века в Европе началось национальное возрождение и рождение новых национальных идентичностей. Национализм характеризует идея разделения людей на народы или нации, и стремление каждого народа к автономии и к праву на самоопределение (Anderson 1983). Так как расы, так же как и нации не являются конкретными биологическими единицами мира, а они представляют социально сконструированные репрезентации, и по своему характеру выступают как «воображаемые»

(Anderson 1983:15-16, Miles 1994:131). Это «вымышленность» связана с тем, что, хотя мы никогда не можем определить точные границы наций, точный состав наций или количество всех людей, которых мы считаем членами нации, все-таки в будничной жизни национальная категоризация используется, как если бы нации были натуральные, ясные, чётко ограниченные, вечные и неизменяющиеся блоки мира.

Национализм и расизм часто соединяются с идеологической комбинацией (Miles 1994:130-131, Anderson 1983:160-172). Это значит, что и разные расовые, этнические и национальные идентичности часто тесно связаны друг с другом. В расизме культурные и ментальные свойства связываются с биологическим признаком или этническим происхождением определенной группы, а в национализме культурные свойства людей связываются с их нацией, т.е. социально сконструированным рассказом о том, кто они, откуда они пришли, какая у них историческая судьба и т.д. Национальные идентичности могут включать в себя и расовые, и этнические элементы, т.е. идею о каком-то общем биологическом происхождении нации. В таком случае комбинация расизма и национализма может реализоваться, например, в требованиях сохранения «чистоты крови» и может довести даже до насилия. С другой стороны, национальные идентичности могут базироваться и на многокультурности, как, например в США, где национальную идентичность характеризует история иммиграция и идея о свободной стране, где у всех одинаковые возможности для экономического успеха. Идеологическая комбинация расизма и национализма характеризует и события Кондопоги.

3.2. Расизм как дискурс

Термин «человеческая раса» не имеет никакого биологического или генеалогического научного фундамента, а является полностью культурным явлением. Исследователи биологии и генеалогии уже давно доказали, что генетическое разнообразие между людьми не зависит от внешних признаков, как например, от цвета кожи, и что не существует связи между культурными привычками и физическими внешними признаками людей. (Miles 1989:60, Rose et al. 1985:119.) Несмотря на то, что данный факт стал известным в научных исследованиях уже 1940-ых годов, идея «человеческих рас» упорно продолжает жить в мыслях и речах людей. Можно сказать, что даже сам термин *расизм* содействует этой жизненности понятия. Таким образом, мы можем констатировать, что «человеческие расы» –

миф, который строят и поддерживают социально, т.е. в разных социальных репрезентациях о разных группах людей. (Montagu 1997:31, Reisigl, Wodak 2001:2.)

Теперь существуют много разных определений термина *расизм*. Одно из наиболее общепринятых определений – это дефиниция Роберта Майлса (1994) о расизме, как идеологии и процессе «построения расы». По Майлсу, «построением расы» является то, что одно отдельное физическое свойство воспринимается как отличительный признак целой группы. С такой признанной группой соединяются дополнительные отрицательные (культурные) признаки, и ее репрезентируют так, что репрезентация может вызывать дискриминационные последствия. (Miles 1994:116-118.) Итак, по Майлсу, расизмом являются такие дискурсивные репрезентации, которые разделяют людей на неравные общественные группы по физическим признакам. Репрезентация могут также вызывать дискриминирующие практики. Дискриминацией называют ситуации, в которых определенной группе людей отказывают в получении общественных услуги или ресурсов или полностью оставляют вне их досягаемости. Дискриминация может быть преднамеренным или непреднамеренным результатом репрезентации. Преднамеренность дискриминации не является важным для признания или определения расизма. (Miles 1994:116-118.)

По Майлсу, расизм должен рассматриваться как идеологическое явление, т.е. как часть обширного общественного контекста. Теория Майлса по своей направленности является открыто марксистской. Она подчеркивает роль расизма в поддержании главенствующих экономических и политических обстоятельств. Майлс считает расизм одним из самых важных средств поддержания классового расслоения и отношений собственности в капиталистическом мире. (Miles 1994:116-118.) Таким образом, расизм может работать как маска, например, социоэкономических позиций.

По теории Майлса, идея «раса» дискурсивная, то есть представления о разных «расах» строят и поддерживают именно в дискурсах, т.е. в коммуникации. В нашей работе мы исходим из теоретического положения Майлса, и понимаем расизм как продуцирующие дискриминацию или неравноправие пристрастные практики, которые базируются на разделении людей на иерархические группы на основе физических или культурных свойств. Таким образом, мы считаем расизмом не только предубеждения, связанные с воображаемой «расой», но и предубеждения связанные с национальной и этнической классификацией.

Теоретический подход Майлса позволяет нам также обратить внимание на те разные общественные, социальные и экономические позиции граждан России, которые поддерживаются расизмом. Например, если криминальность представляется как

автоматическое и натуральное свойство всех иммигрантов или представителей той или иной этнической группы, потом, конечно, больше не нужен разговор о том, какие именно факторы в социальных условиях рождают потребность или склонность к преступлениям.

3.3. «Старый» и «новый» расизм

В традиционном смысле расизм понимается как доктрина, базирующаяся на расовом разделении и категоризации, согласно которой разные «расы» можно различать, например, по интеллектуальным способностям. Такие категоризации были особенно популярными в научных построениях 19-ого века (Banton 1987, Wetherell 2002:183). Хотя данные представления уже давно потеряли свое биологическое обоснование, дискриминация людей на основе разных классификаций и группирование никуда не пропала. В течение последних 60 лет расизм разве что лишь немного видоизменился. Теперь старые расовые представления соединяются ловко с самыми разными и многообразными новыми обоснованиями. Основывающиеся на разных «расовых», физических, этнических, национальных, языковых и религиозных свойствах предубеждения по-прежнему продолжают производить неравноправие и дискриминацию, даже насилие, убийства и этнические чистки. Теперь, кроме «старого», биологического расизма, говорят о «культурном расизме», о «новом расизме» или «этноцентризме» (Rastas 2005:76-78). Возникновение новых форм расизма, конечно, не значит, что так называемый «старый расизм» совсем исчез из мира. Несмотря на фальшивость понятия «расы» старые идеи расовой сегрегации все еще продолжают цвести, например, в идеологиях неонацистов. И даже так называемый культурный расизм часто соединяется с внешним разделением и биологической категоризацией.

В так называемом «новом», или культурном, расизме старое понятие биологической «расы» заменено схожим термином «этничество» или понятием «культура». Этничество можно понимать как в какой-то мере когерентную группу людей, которые чувствуют солидарность друг к другу на основе общего происхождения и общих интересов. (Webster 2007:2.) Типично для современного расизма то, что, чтобы избежать нежелательной ассоциации с расизмом, «расу» кодируют в языке как «культуру» или «этничество» и культуру «других» репрезентируют как менее ценную и не соответствующую культуре большинства (Solomos, Back 1996:19, Webster 2007:2). В отличие от времен так называемого «старого» расизма, в наше время расистская речь обычно считается предосудительной и в

некоторых законодательствах даже незаконным поведением, и именно поэтому пользователи расистского языка часто стремятся спрятать свои самые яркие мнения.

Независимо от того, конструируется ли раса через биологию, этническое или культурные различия, – механизм действия остается тем же самым. С помощью этнических или культурных признаков моделируют группу людей, с которыми потом связывают отрицательные свойства. Как в «старом», так и в «новом» расизме эти негативные характеристики потом представляют исключительно гомогенными, натуральными и неизменяющимися свойствами, и с помощью данной репрезентации обосновывается устранение представителей данной группы от одинаковых общественных прав или условий жизни (Webster 2007:2, Goldberg 1993). В так называемом «новом» расизме понятия *раса*, *этническое происхождение* и *культура* часто смешиваются. Важно все-таки отметить, что, так как биологические и культурные мотивировки часто соединяются и перекрываются, многие исследователи отказываются от распределения явления на «старые» или «новые» формы расизма. И, например, так называемый «старый расизм» всегда включал в себя и представление о культурных различиях и уникальности национальных характеров (Rattansi 1994:55).

3.4. Будничная категоризация и научный взгляд

Национальные и этнические классификации помогают нам упрощать наше сложное окружение, и таким образом они могут быть полезны в будничной речи. Но они по своему характеру именно будничные, и мы хотим напомнить, что разделение людей мира на разные блоки на базе расы, этничности или нации не имеет ни научной, ни физической основы. Несмотря на то, что такие категоризации кажутся нам почти натуральными физическими единицами мира, их нет. Они только воображаемые, социально сконструированные репрезентации о мире, и реальным, фактическим является только то, что мы как люди склонны использовать и принимать эти классификации как натуральные и естественные факты. В нашей работе мы хотим напомнить, что задача науки не содействовать таким воображаемым и продуцирующим неравноправие репрезентациям, а именно вскрывать их фальшивость.

Проблема будничной категоризации заключается именно в детерминизме этих репрезентаций. Разные блоки людей представляют универсальными, гомогенными, постоянными и неизменяющимися, хотя они в самом деле не такие. (Brubaker 2004.) Мы,

люди, говорим о финнах или русских как будто состав и границы данных групп отчетливые – хотя их нет. Еще бы, ведь правила разделения и категоризации могли бы быть какими угодно. Например, вместо наций мы могли бы разделить людей по группам, скажем, по цвету глаз или волос. Все зависит от того, какие значения были сконструированы в течение человеческой истории. Таким образом, мы хотим отметить, что, пользуясь, например, терминами «чеченский», «русский» или «российский», мы не имеем в виду, что они являются физическими отчетливыми единицами мира, они только социально сконструированные и разделяемые репрезентации о разных воображаемых группах, с которыми люди в разные времена идентифицируются.

3.5. Исследование расизма

С начала 1980-ых годов расизм активно исследуется во многих отраслях науки, и основой для многих исследований является именно теоретическое положение Майлса. Многие исследователи, берущие за основу теорию Майлса, все-таки не согласны с тем, что расизм необходимо изучать только в контексте политико-экономических классовых отношений, но необходимо отметить, что представление Майлса о расизме как процессе построения расы в дискурсивных репрезентациях является широко распространённым и общепринятым. Рассмотрение расизма как явления, которое строится именно в социальных репрезентациях, способствует изучению проблемы с многих разных сторон. Данную теорию развивали в своих исследованиях, например, социологи и социальные психологи Теун ван Дейк, Маргарет Уэттерел, Джонатан Поттер и Майкл Биллиг.

Теун ван Дейк (1987) исследовал расистские дискурсы в разных средствах массовой информации с помощью своей социально-когнитивной модели. Социально-когнитивная модель ван Дейка также рассматривает расизм как социальную репрезентацию, но она обращает внимание и на личные когнитивные процессы в формировании расистских мнений индивида. Социально-когнитивный дискурс-анализ ван Дейка является чрезвычайно широким методом исследования, в котором анализирует не только выражение предубеждений, но и их усвоение.

Маргарет Уэттерел и Джонатан Поттер (1992) исследовали отношение представителей белого большинства Новой Зеландии к проблематичному общественному положению меньшинства маори. В исследовании они использовали методы дискурсивной психологии. В отличие от социально-когнитивной модели ван Дейка, в дискурсивной

психологии не обращают внимание на личные когнитивные процессы индивидов, а сосредотачиваются только на подробном изучении механизмов построения расистских репрезентаций. В своем исследовании Уэттерел и Поттер анализировали те риторические практики, которые интервьюируемые использовали, чтобы легитимировать дискриминирующие практики. Они заметили, что иногда даже такие дискурсы, которые на первый взгляд выглядят гуманными или доброжелательными, могут вызывать негативные последствия. В качестве примера данного случая Веттерел и Поттер приводят дискурс «культурной заботы», который подчеркивает потребность заботиться о культуре маори, но одновременно маори представляется «ребяческим» народом без корней, по отношению к которому невозможен равный культурный обмен, а возможна только односторонняя забота.

Вообще исследования расизма можно разделить принципиально на две отрасли, т.е. на те, которые анализируют механизмы формулирования групповых идентичностей, этнические отношения и конфликты, и на те, которые относятся к расизму как идеологии и исследуют, как с помощью его легитимируют разные общественные порядки (Webster 2007:5-6). В зависимости от предмета исследования, данные подходы все-таки могут перекрываться. И, например, в нашей работе нам нужно понимание обоих подходов. Во-первых, нам надо понимать механизмы группового разделения и формулирования разных этнических или национальных идентичностей, чтобы признавать, как эти идентичности актуализируются в созданных о кондопожских событиях газетных статьях, и, во-вторых, мы будем анализировать, какие задачи эти идентичности могут иметь вне и внутри газет.

3.6. Расизм и СМИ

Исследуя расистские дискурсы в СМИ и в будничной жизни Теун ванн Дейк заметил, что большинство этнических предубеждений людей основывается на информации, полученной из СМИ и что именно СМИ являются местом, в котором предубеждения и производят, и поддерживают. Интервьюируемые в исследовании ван Дейка систематически называли СМИ самым важным источником, из которого они вообще получали информацию об этнических меньшинствах или из которого они слышали об этнических предубеждениях, или усваивали свои расистские мнения. Кроме того, интервьюируемые оправдывали свои этнические предубеждения тем, что информация, на которой их предубеждения основываются, получена из СМИ. Исследование ван Дейка показало, что даже такие мнения, которые основываются на «личном опыте», часто восходили к представленным в СМИ рассказам и интервью. (van

Dijk 1987:153, 359-360, 361.) Таким образом, можем констатировать, что именно СМИ являются местом, в котором расистские мнения и этнические предубеждения строятся, формируются, содержатся и циркулируют. Как важнейший источник информации СМИ имеют огромную власть и роль в формировании и обработке и личного, и общественного мнения, в том числе влияют и на степень толерантности в обществе.

Как мы покажем в нашем анализе, многие из журнальных практик такие автоматические, что они могут производить или содействовать появлению расистских дискурсов даже непреднамеренно.

4. Идентичность и групповое разделение

Чтобы понимать логику расистского разделения и изучать подробнее, как этот процесс функционирует, нам необходимо ввести краткое представление термина *идентичность*.

4.1. Идентичность

Идентичность – это наш имидж о себе или других. Идентичность можно понимать как нашу картину о своем «я». Эта картина рассказывает нам, какие мы и какие другие. Или какими мы представляем себя и какими других. По Холлу, историю человеческой идентичности можно разделить на три периода. Это субъект эпохи Просвещения, социологический субъект и постмодернистский субъект. (Hall 2005:21.) В эпоху Просвещения считали, что у человека есть какой-то внутренний, гармоничный, стабильный и неизменный центр существования, который определяет личность индивидуума. Этот «центр» понимали как идентичность человека. Социологический субъект (или идентичность) понимали как результат комбинации, взаимодействия внутреннего центра и внешнего общества. Теперь, в постмодернистское время, мы понимаем, что у человека не существует только одной стабильной и неизменной идентичности. Наши объекты идентификации находятся в постоянном движении и изменяются противоречиво. Наши идентичности никогда не готовые или целостные. В течение одного дня мы можем идентифицироваться с многочисленными разными объектами. (Hall 2005:21-23.) Например, когда мы ходим по делам в магазине, очевидно, что мы идентифицируем себя как покупатели, но зато когда смотрим передачи на первенство спортивного кубка мира, у нас актуализируется чувства национальной идентичности. Следовательно, идентичность лучше понимать как находящиеся в постоянном изменении *процессы идентификации*, которые получают свой «стройматериал» из разных социальных репрезентаций или *дискурсов*, особенно из средств массовой информации.

4.2. Механизмы группового разделения

Идентичности и группы актуализируются только во взаимодействии. Это значит, что они способны начать существовать только тогда, когда кто-то в первый раз говорит или пишет о

них. Идентичности всегда связаны с разными ценностями, коннотациями и правилами поведения. Эти коды описывают нам, как мы должны вести себя, чтобы выглядеть настоящими членами какой-то группы. (Phillips, Jorgensen 2004:75.) Когда мы идентифицируем себя с определенной группой, мы всегда присваиваем себе некоторые признаки или характеристики, касающиеся группы (Wetherell 1996:33.) Таким образом, идентификация влияет на наши мнения, чувства и реакции по отношению к другим группам (там же 1996:33.) Идентичности являются по своему характеру динамичными, и разные идентичности всегда находятся во взаимоотношении друг с другом. Отсюда вытекает, что когда мы идентифицируем других, например, как члены какой-то определенной этнической группы, мы всегда одновременно, сознательно или несознательно, идентифицируем себя как члены своей этнической группы (Webster 2007:5).

Групповые идентичности создаются всегда в отношении к другим групповым идентичностям. Представление о «нас» и «них» организуется обычно в следующем порядке: сначала определяется, кто «мы», потом узнаются «они» через какое-то отличительное свойство. В расистской речи «они» и отличительный признак потом связывают с какой-то отрицательной ценностью. При анализе расистского дискурса говорят о группе, представляющей большинство, используя термин «ин-группа», и о группе представляющей меньшинство – «аут-группа». (Miles 1994:25.)

По Холлу, существует четыре объяснения того, почему классификация и прикрепление различий свойственно людям. Эти четыре теоретических модели объясняют склонность к разделению в рамках лингвистики, антропологии, культуры и психологии. В лингвистике разница важна, так как с ее помощью создаются значения слов. Довольно часто разные значения создаются с помощью бинарной оппозиции, как, например, черный/белый, ночь/день и т.д. Недостатком бинарного разделения является то, что оно чрезмерно упрощает разнообразие нашего мира. Кроме того, бинарная оппозиция имплицитно включает в себя идею иерархии антонимов, иначе говоря, один из представителей бинарной пары «антонимичен» второму (например, муж/женщина, белый/черный и т.д.).

Вторая объясняющая модель исходит также из лингвистики. Согласно ей, все значения строятся всегда в диалоге с кем-то другим. Значение – не стабильное или постоянное свойство слов, оно всегда строится в коммуникации со вторым человеком. Таким образом, понятие «другой» является важным для создания значения.

Третья модель исходит из антропологии. Согласно ей, социальные группы классифицируют вещи и явления по разным категориям, чтобы производить значения внутри коллектива. Например, мы разделяем вегетарианские и мясные блюда, затем будничные и

праздничные блюда и т.д., то есть разделение является и процессом порождения культурных значений. Этот процесс характеризуется претензией на чистые категории. Если явление не входит в какую-то определенную готовую категорию классификации, оно является помехой для культуры.

Четвертая, последняя, модель, исходит из психоанализа. Согласно ей, ребенок всегда строит свое представление о себе в отношении к другим субъектам, то есть «другое» является важным в построении субъективности и сексуальной идентичности. Данные процесса построения собственного «я» являются по своим характеристикам не осознаваемыми индивидом. Этот процесс может вызывать отрицательные последствия. Так как «другое» остается всегда вне собственного «я» и является всегда таким, каким «я» не бывает, субъективность остается всегда неполной. Психоаналитическую модель использовали и в объяснении расизма. Тогда нежелание белого «признать» черного объясняли тем, что черный был поставлен в категорию «другого».

Несмотря на то, как объяснить склонность людей к разделению, Холл отмечает, что «другое» не всегда получает отрицательное значение. «Другое» по своему характеру амбивалентно и «другое» может репрезентироваться и негативным, и позитивным. (Hall 2005:152-160)

Один механизм, который часто используются в создании негативной картины «другого» – это построение *стереотипов*. По Холлу, стереотип – это простое описание, которое упрощает сложную разницу индивидов в простую «бумажную куклу». (Hall 2005:122.) В стереотипизации имеющих, например, один определенный внешний признак, людей определяют как гомогенную группу, представители которой имеют те же самые постоянные отрицательные свойства. Стереотипизация является по своему характеру дуальной. Это значит, что мир разделяется на *типы*, которые представляют то, что является нормативным, позитивным и желательным, и на *стереотипы*, которые, в свою очередь, представляют то, что является негативным, нежелательным и аномальным. Другими словами, стереотипизацией создается граница нормального и ненормального внутри общества, и те, которые являются ненормальными, устраняются. (Hall 2005:190-191.) Стереотипизация связана и с кондопожскими событиями, в которых криминальность определили как общую характеристику всех чеченцев, кавказцев и в некоторых случаях и всех иммигрантов.

5. Критический дискурс-анализ и понятие «фрейм»

В изучении языковых репрезентаций используют дискурсивно-аналитические подходы. У термина дискурс-анализ существует много разных интерпретаций, и разные подходы имеют разные смысловые и содержательные акценты. Именно поэтому дискурс-анализ лучше понимать как *гибкую теоретическую рамку*, внутри которой можно выбирать разные подходы и использовать разные методы. (Jokinen et al. 1993:17; Suoninen 2002:25.) Так и мы соединяем к нашей методологической комбинации, подходящие для наших целей методы. В данной работе мы используем теоретический подход *критического дискурс-анализа СМИ* и сочетаем его с аналитическим методом *фрейм-анализа*.

Все виды дискурс-анализа основываются на представлениях социального конструктивизма. Как мы отмечали уже в главе 1.1. *Исследовательские вопросы*, согласно социальному конструктивизму, социальную действительность создают и строят с помощью языка. Социальные явления, так же как и расизм, строятся именно в языковых, т.е. дискурсивных репрезентациях. Это значит, что социальные явления и практики реализуются в дискурсивных практиках (Fairclough 1992). Чтобы понимать глубже, что это значит, перед подробным представлением нашей методологической комбинации, дадим краткое представление общих характеристик использования языка и отношения языка к обществу. После этого представим используемый нами в данной работе теоретический подход *критического дискурс-анализа* СМИ и метод *фрейм-анализа*.

5.1. Язык и социальная действительность

Согласно социальному конструктивизму, все наши знания о мире строятся в социальной коммуникации, т.е. язык является средством построения и «стройматериалом» социальной действительности (Phillips, Jorgensen 2004:15.)

Это значит, что мы как люди способны рассматривать наше физическое окружение, мы способны делать выводы о данной реальности и описывать ее с помощью наших языков. В наших словесных репрезентациях мы даем значения предметам и явлениям физической действительности, т.е. мы *конструируем* их к части нашей социальной

действительности. Но так как абстрактное слово не называет свой конкретный физический объект, так и словесная репрезентация никогда не сможет отражать описываемое ей явление стопроцентно чисто и «зеркально». Зато языковые репрезентации всегда в какой-то мере являются окрашенными интерпретациями о мире, и таким образом, они не могут быть стопроцентно безупречными или незапятнанными. Разделение между физической и социальной действительностью значит не то, что существует какая-то явная граница, а то, что физические объекты и события реальности могут приобретать свои значения только в наших представлениях о них. (Phillips, Jorgensen 2004:19-21.)

Те разные социально сконструированные и окрашенные значения, которые мы порождаем, обновляем и поддерживаем в своих языковых социальных репрезентациях, влияют на наши представления о себе и об окружающем мире и особенно на наше поведение в мире. (Phillips, Jorgensen 2004:21.) Они рассказывают нам, как повести себя адекватно в разных ситуациях и ролях, что желательное и что нежелательное, что правильное и что неправильное и т. д.

С помощью языка мы даем, получаем и изменяем информацию не только о предметах нашего окружения, но и обо всех событиях и деятелях мира. Язык является для нас средством воспринимать реальность, и с его помощью мы создаем наши представления обо всех явлениях действительности. (Phillips, Jorgensen 2004:15, 25.) Язык по своему характеру социален и использование языка – процесс социального действия. (Phillips, Jorgensen 2004:49.) Это значит, что те знания о мире, которые мы получаем с помощью языка, влияют на нашу идентичность и на наше поведение в мире. Пользуясь языком, мы всегда строим какую-то картину и о себе. Эта картина, т.е. идентичность, активизируется в отношениях с теми разными функциями, которые мы хотим осуществить при посредстве речи. (Jokinen et al.1993:18-19.)

Мы непрерывно классифицируем мир и его события через разные культурные категории. С помощью языка мы не только конструируем значения для разных явлений общества, а, пользуясь языком, мы всегда одновременно и строим нашу собственную позицию или отношение к объектам речи. Это значит, что язык –инструмент, с помощью которым мы строим, поддерживаем и перестраиваем нашу социальную действительность и общественные отношения. (Fairclough 1997:75-76; Suoninen 2002:17-20; Jokinen et al.1993:18-19.) Таким образом, использование языка всегда является социальным процессом и отношение языка к обществу по своему характеру диалогическое. Окружающее общество влияет на использованный язык, но язык и влияет на общество.

Кроме вышесказанного, язык по своему характеру – активный инструмент. Это означает, что использование языка всегда имеет какую-то цель, и во всех высказанных выражениях всегда существует какое-то намерение, к которому субъект стремится. Следовательно, язык имеет власть, и он способен влиять на нас. Язык может утверждать или убеждать нас изменить наши мнения. Таким образом, не безразлично, кто язык использует. В зависимости от контекста некоторые субъекты, т.е. пользователи языка могут иметь большую власть и авторитет, чем другие. Так как язык всегда тесно связан с обществом и властью, он также всегда по своему характеру и политический инструмент. (Richardson 2007:10-14.)

Согласно социальному конструктивизму, все наши знания и информация о мире базируются в конце концов на социальных конструкциях и не могут отражать реальность совершенно такой же нейтральной, какой она является до того как мы сконструируем ее разные значения. Пользуясь языком, мы можем стремиться к возможно нейтральному и объективному выражению, но, в конечном счёте, язык никогда не способен отражать физическую действительность зеркально. Цифры и математические формулы свободны от коннотаций и могут являться абсолютными, язык – нет.

Наша конкретная физическая действительность является таким комплексным окружением, что наша ограниченная наблюдательность никак не может воспринимать весь поток импульсов, который она посылает нам. Отсюда следует, что мы постоянно стремимся к упрощению и обобщению наблюдений (Hamilton, Trolier 1986). Мы разделяем вещи на разные категории. Группирование, категоризация, обобщение и стереотипизация мира и особенно людей могут получить отрицательные формы и производить конкретные негативные последствия по отношению к объектам речи. Наша привычка упрощать и классифицировать мир может довести до того, что мы не оцениваем людей как индивидуумов со своими индивидуальностями, а например, встречая шведа, немца или финна, мы уже, вероятно, имеем какое-то предварительное представление или даже готовые стереотипы о людях данной категории. Наша социальная действительность, очевидно, научила нас, что шведы – социальные и разговорчивые, финны – молчаливые, немцы – педантичные и т. д.

Наша способность к абстрактному мышлению отделила нас от других животных и сделала возможным высшее развитие человека. В то же время наша способность классифицировать мир, и особенно группировать его жителей, может вызывать негативные последствия и поддерживать неравномерность, дискриминацию и конфликты между людьми. Расистская речь – классический пример этого. Таким образом, мы считаем, что это именно

задача науки – делать явственными, зримыми такие продуцирующие неравноправие и дискриминацию дискурсы.

5.2. Общие характеристики дискурс-анализов

Общее для всех дискурсно-аналитических подходов – подробное изучение языковые механизмов, которыми производят социальную действительность в разных социальных практиках. Как констатировали выше, что в основе всех видов дискурс-анализа находятся понятия социального конструктивизма о языке как инструменте, строящем социальный мир.

В самом простом смысле термин *дискурс* понимается как любое использование языка, создающее значения, включая и письменные и устные высказывания. Это определение дискурса используют особенно в сфере лингвистики. (Fairclough 1997:75.) В более широком смысле, дискурс – это тот язык, которым определенную социальную практику репрезентируют с какой-то точки зрения (Fairclough 1997:77). Другими словами, дискурс – это форма использования языка, которая дает явлениям конкретной реальности социальные значения и интерпретация.

Общей для всех дискурс-аналитических подходов является также мысль, что с помощью языка строят *социальные идентичности, социальные отношения и системы информации и верования* (Fairclough 1997:76). Язык может или поддерживать, или перерабатывать их. Поддерживает ли их язык или реформирует, зависит от общественных обстоятельств и того, как язык действует внутри них. Такими же общими для всех видов дискурс-анализа являются следующие исходные пункты: 1) язык строит социальную действительность, 2) существуют многие параллельные и конкурирующие друг с другом системы значений, 3) использование языка всегда связано с контекстом, и обстоятельства влияют на интерпретацию высказанного, 4) субъекты всегда связаны с системами значений, 5) использование языка продуцирует последствия. (Jokinen et al. 1993:18-19).

Язык базируется на общепризнанных системах значений. Системы значений в свою очередь – часть социальных практик. (Jokinen et al. 1993:19.) Это значит, что то, как другие понимают наши слова, зависит от культурного контекста (Jokinen et al. 1993:33). То, какие выборы мы делаем, пользуясь языком, не всегда сознательно, и дискурс-анализ интересуется не личными мнениями или чувствами говорящего, а его центральным объектом изучения является письменный или устный язык, и то, как он конструирует окружающую реальность. Значит, существенным для изучения является то, как использование языка и

высказанные представления связываются с более широкими системами значений, а не индивидуальная психология говорящего. (Jokinen et al. 1993:37).

Для эффективного анализа языковых механизмов газетных статей нам нужна все-таки более обширная теоретическая рамка, которая позволит нам обратить внимание и на окружающий газеты социокультурный контекст. Таким мы считаем подход критического дискурс-анализа СМИ, который обращает внимание на особое публичное свойство текстов СМИ и рассматривает также вопросы власти.

5.3. Критический дискурс-анализ СМИ

Из всех пользователей языка самую большую власть имеют средства массовой информации. Это, конечно, связано с тем, что только они способны обращаться к такой обширной публике, но также и с тем, что мы довольно склонны верить в то, что информация, предлагаемая нам СМИ, в большей степени правильная, правдивая и какой-то мере нейтральная. Это, в свою очередь, связано с традиционным представлением о роли журналистов как информаторов и «сторожевых собак» общественной деятельности и политической власти. Хотя данные этические притязания чрезвычайно редко выполняются, нам не совсем просто заметить, почему именно это так. Именно вследствие сочетания огромной власти влияния и особого положения СМИ подробное изучение их языка является особенно важным.

СМИ дают нам информацию об окружающем нас обществе. СМИ могут влиять на наши мнения, давать нам темы разговоров, вскрывать проблемы, поддерживать общественные разделения, пропагандировать и т.д. СМИ могут быть по своему характеру и чисто развлекательными. Но так как СМИ являются пользователями языка, даже они не могут быть совсем нейтральными или свободными от значений и их разных последствий. В самом деле, все явления дискурсивных практик, такие как, например, способность строить и поддерживать идентичности и общественные отношения, только многократно усиливаются, когда дискурсами пользуются СМИ. СМИ могут, конечно, стремиться к нейтральному использованию языка, так же как и все другие пользователи языка, но и нейтральность только одна позиция, созданная языком, который в конечном счете никогда не стопроцентно объективен. Иногда даже такие новости или статьи, которые с первого взгляда видятся совсем нейтральным, могут в результате более подробного анализа оказаться выражающими какую-то определенную позицию. И многие особенно из общественных функций и

последствий языка СМИ такие, что, читая газету или смотря телевизор, мы не обращаем никакого внимания на эту «ненейтральность» СМИ.

С данной позиции исходит критический дискурс-анализ, один из разработчиков которого – британский исследователь Норманн Фэрклоу. Критический дискурс-анализ Фэрклоу сосредоточится особенно на исследовании языка СМИ, и «критическим» его делает его открыто эмансипированный акцент. Это значит, что критический дискурс-анализ выбирает своими объектами исследования часто именно такие темы (например, социальные проблемы), в которых дискурсы имеют потенциал строить или поддерживать неравноправие или злоупотребления власти. (van Dijk 2001:96; Richardson 2007:1.) Итак, задача критического дискурс-анализа должна была бы быть в защите прав слабых. Традиционными объектами исследования критического дискурс-анализа являются такие темы, как неравноправие полов, расизм, идеология неофашизма и т.д. (Leivo, Pietikäinen 1996: 105-106).

Как мы уже отметили, критический дискурс-анализ рассматривает не только языковые свойства СМИ, но обращает внимание и на окружающий общественный контекст. Это значит, что в критическом дискурс-анализе всегда принимают во внимание производственные, потребительские, культурные и общественные практики, и семантический анализ содержания всегда сочетают с этим более обширным контекстом, то есть, анализируя тексты СМИ, важно обратить внимание на то, в каком СМИ статья опубликована, к какой публике она направлена, какими являются отношения собственности данных СМИ и какое их отношение, например, к государству. (Richardson 2007:39, 114-115.) Особенно важным является и диалектический характер отношения языка СМИ и социокультурных практик. Иными словами, нельзя забывать, что окружающая культура формирует дискурс СМИ, но и дискурсы СМИ обрабатывают культуру. Общественные изменения проявляются в изменчивых дискурсивных практиках, но и дискурсы способны изменить общественные практики. (Fairclough 1997:50-53,76.) Нельзя забывать и про многообразие дискурсов. Следовательно, даже внутри одной статьи могут существовать многие разные конкурирующие и противоречивые дискурсы.

Власть дискурсов может простирается и до глобальных систем. Как уже говорились, многие такие системы кажутся нам таким натуральными и очевидными, что обычно мы не обращаем на них никакого внимания. Один пример «таких систем» – дискурс экономического либерализма, который доминирует практически во всех крупных СМИ и определяет, какие темы попадают в публичность и какие нет. Трудно представить, что вместо либерального дискурса диктор вечерней передачи экономических новостей вдруг стал бы использовать, например, марксистский дискурс и что темы передачи определялись

бы в рамках данного дискурса. Фэркло отмечает, что дискурсы СМИ часто делают натуральными доминирующие идеологии привилегированных групп (Fairclough 1997:66). Ричардсон предлагает еще более радикальную точку зрения, замечая, что СМИ часто также содействуют целям доминирующей группы защищать от изменения господствующую капиталистическую систему (Richardson 2007: 5-6).

Таким образом, мы констатируем, что созданные в газетных статьях разные дискурсы о кондопожских событиях не описывают только самое событие, а рассказывают что-то о современном российском обществе. Дискурсивными репрезентациями строят разные идентичности и предполагают людям разные позиции внутри общества. Подчеркнем и тот факт, что, так как языковые представления СМИ имеют власть или содержат или перерабатывают данные позиции, безразлично, какие дискурсы в газетах используют. Как мы помним по представлению Майлса о расизме как идеологии, расизм сможет служить как «одеяло» разным социальным или экономическим позициям. Именно дискурсы СМИ являются теми механизмами, которыми такие позиции поддерживают. Таким образом, представляя результаты нашего лексического анализа, мы обратим особое внимание не только на то, какие общественные функции и последствия вычлененные нами дискурсы могут вызвать, но и на то, какие разные общественные условия они способны поддерживать или защищать.

5.4. Понятие «фрейм»

В нашем анализе мы сочетаем подходе критического дискурс-анализа с понятием *фрейм*. Мы считаем, что понятие «фрейм» позволит нам детальнее рассмотреть новостное содержание, чем более широкое и универсальное понятие «дискурс». Понятие фрейма обращает более внимания на моральные оценки и вопросы вины и ответственности, и таким образом он позволяет нам более адекватно ответить на наши исследовательские вопросы: какие интерпретация Кондопоге встречались, какие моральные оценки новости дали расистскому поведению, и какие активные или пассивные роли создали разным группам деятелей.

Термин *фреймы* использовался в социальной психологии и его развивал, в частности, канадский социолог Ирвинг Гофман в своем классическом произведении "*Frame Analysis*" (1974). Анализ фреймов потом стали использовать и в других отраслях наук, и теперь он является одним из центральных методов при анализе текстов СМИ, особенно, в анализе новостей (Karvonen 2000). Главной идеей Гофмана было то, что, встречая новые

социальные ситуации, мы, люди, всегда стараемся ответить на вопрос «Что происходит здесь?» (Goffman 1974:8). Чтобы ответить на данный вопрос и понять характер ситуации, нам надо дать ей какое-то определение. Для формирования определения мы разбираем информацию и ищем ключи, которые помогают нам узнать и интерпретировать событие, т.е. поставить его в какие-то ранее знакомые рамки, или *фреймы*. Иначе, фреймы – основные механизмы мышления и без фреймов люди не могли бы понимать и рационализировать свое окружение и чувствовали бы себя находящимися в заблуждении (Goffman 1974: 21, 28-29).

При анализе СМИ термином «фреймы» называют те разные рамки, в которые журналисты помещают события и явления окружающего мира (Karvonen 2000), то есть какие разные «рассказы» или представления СМИ строят о тех конкретных событиях и явлениях, которые происходят в обществе. Фреймами организуют и делают понятным поток информации (там же). С помощью их дают толкование и формируют значения происходящим в окружающей среде событиям. Выбор фреймов может быть сознательным или не сознательным, и часто журналисты пользуют фреймы просто в силу привычки (там же). Фреймы помогают журналистам сортировать и упаковывать большое количество информации в понятную и логичную форму, но фреймы существуют также в сознании читателей и помогают им принимать переданную информацию (Gitlin 1980:7). Фреймы всегда рассказывают что-то об окружении, в котором они работают, то есть на выбор фреймов всегда влияют не только когнитивные элементы, но и разные социальные, культурные и политические ожидания (Jakubowicz, Palmer 2002:201). Как отношение всех языковых представлений, так и отношение фреймов к обществу по своему характеру диалогическое. Фреймами не только описывают, но и создают социальный мир. Одно и то же событие может получить и совсем разные значения и интерпретации, если его помещают в различные рамки (Väliverronen 1995:9). Использование какого-то фрейма всегда и исключает, и оставляет за пределами другие интерпретация.

Из всего выше сказанного вытекает, что понятие «фрейм» довольно близко к термину «дискурс». Но хотя фреймы и дискурсы имеют многие общие характеристики, они не одинаковые. Фреймы реализуются внутри дискурсов, т.е. они – элементы и рамки, которыми строят разные дискурсы. Дискурсы состоят из различных фреймов, и один и те же фрейм может выступать и в разных дискурсах. (Horsti 2005:64-65.)

Традиционно анализ фреймов СМИ соединяется с вопросами власти, неравноправия и гегемонии, и, таким образом, он подходит превосходно и к целям нашего анализа. При анализе фреймов СМИ существует четыре области интереса. В исследованиях рассматривали: 1) какие разные фреймы используют в представлениях СМИ, 2) как

обстоятельства влияют на производство и выбор фреймов, 3) как личные когнитивные процессы человека влияют на прием и интерпретацию фреймов и 4) как фреймы направляют обширные общественные и культурные процессы, так же как и публичную дискуссию (D'Angelo 2002:873). В нашем анализе мы соединяем первый с четвертым пунктом. Мы будем вычленять из новостей те различные фреймы, в которые журналисты поместили кондопожские события. После этого мы проанализируем, как новостные фреймы влияли на общую дискуссию о Кондопоге, и обсуждаем, какие возможные дальнейшие общественные последствия идентифицированные нами фреймы могут вызывать.

Во фреймах существуют два уровня. Во-первых, существует структуральный уровень, который интегрирует события в логичную форму, и, во-вторых, существует риторический уровень, который касается содержания и основания фрейма (Gamson, Lasch 1983: 398-399). На структуральном уровне используют, например, такие языковые механизмы, как метафоры, примеры, сопоставления, именование, описание и лозунги. На уровне содержания зато используются причины, последствия, обоснование и моральные утверждения (там же). Иными словами, как все социальные репрезентации, так и отдельные фреймы по своему характеру являются риторическими, и на уровне содержания всегда существует аргументирующие элементы, которые обосновывают и легитимируют описываемые события.

По Роберту Энтману (1993:52), фреймы, во-первых, *определяют проблемы*, во-вторых, *узнают причины*, в-третьих, *делают моральные оценки*, и в-четвертых, *предлагают образец решения*. Согласно Энтману, особое внимание в построении фреймов обращают на роль каузальных агентов. Каузальные агенты понимаются как разные участвующие в событиях деятели. По Энтману, во фреймы выбирают какие-то стороны действительности и подчеркивают их так, что они содействуют именно какому-то определенному определению проблемы, дают каузальную интерпретацию, моральную оценку или образец решения. (Entman 1993:52.) В своем анализе Энтман сам рассматривает, в частности, именование, описание деятелей и использованные прилагательные как части построения фреймов.

При нашем фрейм-анализе мы будем анализировать, какие определения дали событиям Кондопоги, какие причины нашли ситуациям, и кто, по газетным данным, был виноват. Еще нас интересует, какие моральные оценки в газетах дали расистскому событию и какие решения они рекомендовали для решения проблем.

В нашем лексическом анализе фреймов мы обратим внимание также на построение нарративов и на использование разных групповых идентичностей как риторических элементов внутри них. *Нарратив* – конструирование события или вещи в

форме рассказа, это один из механизмов создания фреймов. В нарративе события представляют линейно во времени, и в каждом нарративе деятельность, соединения и напряжения составляют особую комбинацию. (Jokinen, Juhila 2002:68.) Понятие нарратива является довольно важным для нашего анализа, так как новости всегда строят в форме нарратива (Richardson 2007:71).

Кроме нарративов, мы рассматриваем, и какие разные групповые *идентичности* создаются в новостях и других статьях. Особое внимание мы обратим на то, какие риторические задачи они играют внутри новостей, и на какие разные пассивные или активные позиции они ставят своих объектов. Анализируя идентичности, мы рассматриваем особенно *номинацию* и *предикацию* разных деятелей. В нашем анализе мы обсуждаем и возможные дальнейшие идеологические последствия, которые идентифицируемые нами фреймы способны вызывать.

6. Анализ кондопожских новостей

В данной главе мы представим идентифицированные нами из состава нашего материала четыре новостных фрейма. Перед подробным анализом содержания газетных статей мы разделили состав нашего материала тематически на две части. Первая часть включает в себя чисто новостные статьи, описывавшие конкретные события и вышедшие хронологически близко к конфликту. Их анализ мы представим в данной главе. Вторая часть материала, анализ которой мы представим в главе 7. *Анализ кондопожской дискуссии*, включает в себя тематически более широкие статьи и комментарии, в которых обсуждают значение кондопожских событий и явление ксенофобии.

Из новостных статей мы идентифицировали четыре основных фрейма. Данные фреймы мы называем *фрейм войны*, *фрейм народного бунта*, *фрейм закона* и *фрейм бизнеса*. Доминирующими в нашем материале являются *фрейм войны*, *фрейм народного бунта* и *фрейм закона*, из которых *фрейм войны* и *фрейм народного бунта* разделяют общие элементы и часто пересекаются. Остальные выступают в материале реже.

При представлении фреймов мы приводим цитаты и указываем, какие идентичности создаются разным деятелям, какие интерпретация события получают и какие моральные оценки дают расистским поступкам в разных фреймах. Мы обратим и внимание на то, какие темы фреймы или включают в дискуссию, или устранят из публичности. Особое внимание мы обратим на то, как в разных фреймах относятся к требованиям о депортации кавказцев и к уничтожению собственности чеченского меньшинства. Как уже мы констатировали в начале исследования, на наш взгляд, требования выселения из города и уничтожения имущества из-за этнического происхождения человека – исключительно расистские поступки, которые нуждается в порицании.

Новостные рамки редко бывают четко ограниченными и часто являются пересекающимися или замещающими. Таким образом, важно отметить, что идентифицируемые нами фреймы не являются абсолютными, а даже в одной новостной статье могут существовать элементы нескольких конкурирующих фреймов. Разные фреймы могут или перекрываться, или включать в себя элементы других фреймов. Например, фрейм народного бунта мотивируются практически теми же самыми риторическими средствами, как и военный фрейм.

СМИ являются местом, в котором ведется непрерывный конкурс между разными дискурсами и точками зрения. Такой явный конкурс характеризует и наш материал, в котором разные группы деятелей борются за то, как лучше интерпретировать кондопожские события и какое общественное значение они имели. Особенность нашего материала именно в *открытости* данного конкурса. Обычно же новости предлагают нам довольно явные и однозначные объяснения событий. Но во многих новостных статьях нашего материала дается столько же вопросов, как и ответов, касающихся характера событий в Кондопоге; типичной, например, является формулировка заголовка в форме вопроса – «Кондопога – национальная вражда или передел бизнеса?». Такое множество интерпретаций даже немного необычно для новостей, которые чаще всего предлагают довольно явные и однозначные объяснения происходящим в мире событиям. Отметим все-таки то, что идентифицируемые нами в материале фреймы являются главными объяснениями, которые в газетах предлагали кондопожским событиям.

6.1. Фрейм войны

Главенствующим фреймом нашего материала является фрейм войны, который акцентирует конфликтующий характер событий. Военный фрейм сопоставляет ситуацию в Кондопоге с войной. Он производит интерпретацию, в которой ресторанная драка работает как *атака*, которая свидетельствует о криминальности целого чеченского этноса, и дальнейшие беспорядки видятся как справедливая *оборонительная реакция* на *агрессию* этнически других. Данную интерпретацию поддерживают различными идентичностями деятелей. Представителей русского этноса представляют мирными и спокойными лицами, которые стали жертвами криминального чеченского меньшинства и пассивных коррумпированных властей. Ниже мы рассматриваем, как именно эта интерпретация создана.

Внутри фрейма используется военную лексику и выражения. В большинстве случаев фрейм войны содействует и распространяет этнические предубеждения и прямо легитимирует расистские поступки. Чаще всего фрейм войны повторяется в новостях газет КП, «Известия» и «Коммерсантъ». Особенность фрейма войны в том, что внутри него используется много интервью так называемых обычных людей и он представляет события именно с точки зрения русских жителей.

Как мы отмечали в разделе 5.4.1 *О Механизмах фреймов*, основными средствами построения фрейма являются именование, метафоры, примеры, сопоставление и слоганы

(Gamson, Lasch 1983: 398-399). В военном фрейме кондопожские события сопоставляют с *войной*.

'Кавказская война' в Карелии (Известия 04.09.2006).

В выше приведенной цитате сопоставление с войной строят с помощью именованя, что и происходит сразу в заголовке статьи. События в Кондопоге называют *кавказской войной*. Выражение «кавказская война» работает не только как именование, но и как сопоставление и метафора, то есть в заголовке соединяются три основных элемента построения фрейма. Сопоставления и метафоры всегда переносят значения со своего первоначального объекта на объект речи (Horsti 2005:73). Война – страшная, война – насильственная, и метафора «война» связывает данные имиджи и с событиями в Кондопоге. Кроме того, выражение «кавказская война» работает здесь как слоган, т.е. эффектная ключевая фраза, которая уже в самом начале статьи привлекает внимание и активизирует все связанные с символом *войны* коннотации, которые находятся в голове читателя. В российском культурно-историческом контексте выражение «кавказская война», конечно, не может не вызывать ассоциации с двумя чеченскими войнами 90-ых годов и оно может намекать также на классический литературный стереотип 19-ого века о кавказцах как диких военных бойцах.

Сопоставление с войной, конечно, сильно преувеличенное, так как война – высшая форма государственного насилия. Сопоставление подчеркивает насильственные и конфликтующие свойства событий. Кроме разгрома, имидж войны включает в себя идею о двух боровшихся сторонах и мысль о нападении и обороне. Наступательная война – несправедливая, оборонительная война – справедливая. Сопоставление ставит кондопожские события в рамку, которая представляет ситуацию аналогичной войне между двумя боровшимися и совершающими акции нападения и обороны сторонами. Таким образом, военный фрейм производит нарративную структуру, в которой ресторанная драка работает как начальный пункт и провоцирующая *атака*, а дальнейшие погромы – как справедливая *оборонительная реакция* на атаку. Данная логика кристаллизуется в следующей короткой цитате:

Убийство четырех человек спровоцировало в городке Кондопоге *межнациональную войну*. (КП 04.09.2006.)

В приведенной цитате «убийство четырех человек» видится как катализатор, который «спровоцировал» «межнациональную войну». Военный фрейм включает

ресторанную драку в цепь кондопожских событий и представляет его как агрессию, которая начала дальнейшие беспорядки и погромы. Итак, активными провокаторами и виноватыми в «войне» видят чеченцев, которые совершали убийства в ресторане. Зато участвовавшие в погромах русские представляются как первоначально пассивные жертвы, которые просто справедливо *реагировали* на нападение. Ресторанной атакой мотивируют и объясняют дальнейшие погромы. Данный нарратив обосновывают также с помощью различных этнических идентичностей, как мы будем указывать ниже.

Перед подробным рассматриванием идентичностей деятелей здесь важно также отметить, что опубликованные в выше приведенной цитате сведения о количестве погибших ошибочные и преувеличенные, и вместо четырех в ресторанной драке погибло два человека. Большое количество жертв, конечно, дает событиям более драматичное свойство и поддерживает не только интерпретацию о ситуации как войне, но и предлагаемую жестокость чеченского этноса. Преувеличенные сведения о количестве погибших опубликовали несколько раз в новостях газет «Известия», КП и «Коммерсантъ» и однажды в комментарии РГ. Хотя проверка собранной информации это, конечно, основная часть работы журналиста и в данном случае данные сведения могли бы быть легко проверены у представителей городской больницы, неправильные сведения публиковались еще пять дней после драки. Это говорит о том, что интервьюируемые местные жители использовались не только в иллюстрации событий, но и как источники информации. Данный посыл не типичен для новостной передачи, которая чаще всего опирается на так называемые серьезные источники, как должностные лица и специалисты. Ни одна из газет не опубликовала опровержения неправильных сведений.

Как говорилось выше, фрейм войны продуцирует интерпретацию, по которой местные русские жители оказались жертвами жестоких насильственных чеченцев и пассивных местных властей и не имели ни другой возможности, чем охранять себя в форме массовых беспорядков. Следовательно, согласно фрейму войны, этнически другие, такие как криминальные структуры и представители правоохранительных органов являются такими коррумпированными, что местные жители не смогли сделать ничего другого, чем взять закон в свои руки. В следующих разделах мы будем подробно представлять, как данные образы были созданы.

Так как в ресторанной драке видели свидетельство насильственного характера чеченского этноса, многие новости военного фрейма начинаются именно с его описания. Здесь люди делятся на местную русскую ин-группу и чеченскую аут-группу, которые характеризуют как оппозиционные.

[---] в этом питейном заведении отдыхала компания местных жителей. (КП 04.09.2006.)

Бармен (тоже кавказец) сделал замечание компании подвыпивших молодых людей за то, что они своим бурным весельем мешают другим посетителям. (Известия 04.09.2006.)

Представителей русской ин-группы представляют как компанию «местных жителей» или «молодых людей», которая «отдыхает» и «веселится бурно» в ресторане. Номинации – нейтральные. Предикации «отдыхает» и «бурное веселье» зато более симпатизирующие, и показывают представителей русской ин-группы по своему характеру мирными и спокойными. В отличие от других фреймов, тот факт, что данная компания состояла из двух ранее судимых лиц, не отмечен в новостях фрейма войны.

В следующих цитатах используется интервью очевидцев, которое демонстрирует еще более явные позиции разделения. Данные интервью представителей русского этноса использовали в новостях как достоверные источники информации и предлагаемые в них сведения не ставили под сомнение. Зато те редкие интервью чеченского этноса, которые опубликовались, были систематично поставлены под сомнения или подбором вызывающих сомнения глаголов или добавлением скептических комментариев журналистов.

- Там наши ребята отдыхали. Кто-то из них повздорил с барменом-кавказцем. Подрались немного. (Коммерсантъ 04.09.2006.)

- Парни что-то не поделили с барменом, заваруха началась прямо в баре, – рассказывает Николай. (Коммерсантъ 04.09.2006.)

Здесь интервьюируемый использует номинацию «наши ребята» и отождествляет себя с русским этносом. Выражение «наши» связывает в одну целостность самого говорящего, интервьюирующего журналиста и читателей газеты. Оппозиционной группой являются кавказцы. Кроме того, в цитатах используют предикации «парни» и «ребята», которые усиливают симпатичную идентичность представителей русского этноса. Нападение русских посетителей на официанта-бармена описывают в нейтральных и универсальных формах «Кто-то из них повздорил с барменом-кавказцем. Подрались немного», и «парни что-то не поделили с барменом». Вообще, о криминальности или о нападении русских посетителей на бармена не говорят в подробностях. Зато жестокость, вооружение и

насильственное действие представителей чеченского этноса описывают подробно и в деталях.

Чеченцы уехали и вскоре вернулись на трех машинах с подмогой. Они были вооружены битами, обрезками труб, нунчаками и ножами. Наши не были готовы к такому повороту – они уже просто пили пиво. (Коммерсантъ 04.09.2006.)

- Потом они налетели на нас, били куда придется цепями. Резали ножами, как баранов: у нас-то оружия никакого не было. (Известия 11.09.2006.)

Кто-то из русских парней стащил с себя футболку и предложил выйти 'один на один', его проткнули ножом. Лезвие огромного ножа вошло в грудь и вышло из-под лопатки. Людей избивали со всей возможной жестокостью – специально ломали руки. По рассказам работника городского морга, у одного из погибших были отрезаны уши. (КП 04.09.2006.)

По информации 'Известий', ребят убивали жестоко: одному выкололи глаз, второму отрезали ухо. 'Били именно русских, кто попадется. И знали, куда бить', – говорят в городе. (Известия 06.09.2006.)

Кроме подробных деталей «всю возможную жестокость» чеченцев основывают информацией о том, что у погибших «выкололи глаза» и «отрезали уши». Как отмечали главный врач кондопожской городской больницы Людмила Егорова и генпрокурор Карельской республики Петр Клемешев, данные сведения – фальшивые. Никаких отрезанных ушей или выколотых глаз у жертв не было. (Латышева 2006). Выражение «ребят убивали жестоко: одному выкололи глаз, второму отрезали ухо» создает впечатление, что погибших было больше двух. Как говорилось выше, фальшивые сведения о количестве погибших в драке использовали и в поддержании жестокого имиджа чеченцев.

Криминальный характер чеченского этноса поддерживали также совсем несвязанными с данной темой сведениями о других совершенных представителями этноса нарушениях. Например, опубликованная в 04.09.2006 в газете «Известия» новостная статья «Кавказская война в Карелии» заканчивается на следующей цитате, в которой рассказывают о поведении некоторых чеченцев в Бельгии.

Чеченская диаспора? – "головная боль" бельгийской полиции. Представители чеченской диаспоры за рубежом *также* иногда попадают в неприятные истории. В конце августа появились сообщения, что в бельгийском курортном городе Остенде на побережье Северного моря группа из 30 чеченцев напала на охранников и посетителей ночного клуба. По словам представителей местной полиции, чеченцы, вооруженные клюшками для гольфа, палками и бейсбольными битами, поздно вечером ворвались в клуб, избив восьмерых охранников, дежуривших у входа. Хулиганы разгромили столы и барные

стойки, отобрали бумажники у нескольких посетителей. Ранее, по словам полицейских, произошел другой конфликт с чеченцами, которые "неприлично вели себя прямо в центре города – кричали, мешали прохожим". (Известия 04.09.2006.)

Данный случай не имеет никакой релевантности или отношения к кондопожским событиям, и единственная задача приведения подобных отдельных информации – поддерживать созданную криминальную и насильственную идентичность чеченского этноса. Выше приведенную цитату используют как дополнительное «доказательство» криминальной природы всех представителей этноса, и с помощью его строят стереотипическую и гомогенную идентичность, которая предлагает, что все представители данного этноса разделяют одни и те же характеристики.

Далее в тексте связывается с чеченцами и «неприличное поведение». Как говорилось в главе 3. *Расизм*, в «новом», культурном, расизме дискриминацию часто основывают утверждениями, по которым этнически другие по своей культуре и привычкам менее ценные или цивилизованные и не входят в культурные рамки большинства (Solomos, Back 1996:19, Webster 2007:2). Данная идея о перманентном несоответствии культурных различий видна и в следующей цитате.

- Они здесь все-таки в гостях, пусть соблюдают наши правила. Мы же не едем к ним со своими! – заявляет друг погибшего Гриши Слезова Юра. Пока чеченские беженцы переживают в лагере "Айно". Здесь действуют *их правила*. Например, когда входит мужчина, все женщины встают. *Нам этого не понять. А им, наверное, никогда не понять нас.* (Известия 11.09.2006.)

В целом фрейм войны представляет не только чеченцев, а практически и все остальные кавказские и также каспийские народы в отрицательном и стереотипическом свете. В статьях говорят о странных привычках других, которые не вписываются в рамки российского общества, и чеченцев ставят в одну группу «кавказских национальностей» или «мигрантов». В газете КП неприятную картину этнически других поддерживали и опубликованием анонимными комментариями из интернет-форума газеты. Данными комментариями содействовали укреплению созданной в новостях насильственной идентичности кавказцев.

Лера, Москва: Терпимость? У меня она была, пока моему пятилетнему сыну в песочнице, когда он не дал свою формочку маленькому азеру, было сказано этим же соплей: "Ничего, скоро мы вам всем животы повспарываем!" Если это говорит ребенок, что думают его родители? (КП 12.09.2006.)

WP: За 7 лет жизни в Москве ко мне ни разу никто не пристал, кроме кавказца. Я убежала от него со всех ног – ехал за мной из центра до моего спального района. На рынок я уже не хожу – надоело выслушивать "Красавица, а мама дома?" и хватания за руки терпеть. (там же.)

Отрицательную идентичность чеченцев строили и в статьях, в которых журналист интервьюировали местных жителей о положении в городе перед дракой. В следующих цитатах представители русского этноса характеризуют представителей чеченского этноса.

В городе не любят именно чеченцев. Хотя толком не объясняют, чем те отличаются от других кавказцев. Всем, кого я встречала, я задавала один и тот же вопрос: почему? – Они – самые наглые! – заявляет Юра, друг погибшего Гриши Слезова. – Меня вот однажды избили. Им не понравилось, что у меня музыка в машине громкая. А сами как откроют багажник, как врубят свой саббуфер!.. Те, кто постарше, еще нормальные. Самые наглые – молодые, как те, кто бил наших в "Чайке". Вы попробуйте на том же рынке попросить его дорогу вам уступить!.. Сотрудник местного спецназа, который воевал в Чечне, откровенно признается, что ненавидит чеченцев. За что – он-то знает. И удивительно рассуждает о том, чем они вызывают к себе ненависть у других. – Их боятся, – убежден спецназовец. – Все знают, что *им человека зарезать – раз плюнуть*. – Подожди-подожди, но ведь "все знают" – это еще не аргумент, до смертоубийства-то дело не доходило... – А вот и дошло. Потому что чеченцы, которым по 20-30 лет, выросли и вошли в сознание на войне. Они ничего не боятся, *человеческой жизнью не дорожат. Они привыкли к смерти...* [---] – Чеченцы время от времени куда-то уезжают на полгода, потом возвращаются с деньгами и на новых машинах, – рассказывает Сергей Петров. – У нас говорят, что они в Чечню ездят, воевать. (Известия 11.09.2006.)

В цитате повторяется явно стереотипическая и насильственную идентичность чеченского этноса. Молодых представителей чеченского этноса характеризуют «наглыми людьми», которые так «привыкли к войне и смерти», что они даже человеческую жизнь не уважают.

Кроме использования интервью местных жителей военную идентичность чеченского этноса поддерживали и опубликованием слухов о «втором Беслане». Данные слухи опубликовали в газетах «Известия», «Коммерсантъ» и КП, но их нет в РГ.

От педагогов поступило предложение поставить милиционеров в школы, потому как люди боятся "второго Беслана". Кстати, и сами чеченцы детей в школы не повели. Тоже боятся. (КП 05.09.2006.)

Чеченцы обещают нам устроить Беслан! – кричит мне пожилая учительница. Руки у нее ходят ходуном вместе с сумочкой. – Вечером обираем всех родителей в школе, будем договариваться о дежурствах, будем требовать вооруженную охрану. (КП 06.09.2006.)

Жители Кондопоги: "Чеченцы обещали нам второй Беслан". [---] Сейчас чеченцы и русские, живущие в городе, боятся друг друга. "Они обещали устроить нам теракт", – делится переживаниями Жанна. – Мы водим детей от школы и до школы за руку!". Чеченцы же отправили из города свои семьи. (Известия 06.09.2006.)

И мы боимся: чеченцы пишут на форумах в интернете, что сделают из Кондопоги второй Беслан. И я боюсь отправлять свою дочку в школу. У нас сегодня вообще половина родителей не пустила детей в школы. (Коммерсантъ 05.09.2006.)

Далее мы рассматриваем как криминальную и насильственную идентичность чеченского этноса использовали в объяснении событий. В ниже приведенных цитатах причиной массовых беспорядков называют именно преступность кавказцев.

В маленьком городке за последние несколько лет в 5 раз выросло число уроженцев Кавказа, что многим не нравилось. Кроме того, жители городка уверены, что кавказцы в этом городке поставили себя выше закона. И после убийства приезжими местных жителей в ресторане "Чайка" *годами тлеющее раздражение горожан взорвало ситуацию.* (КП 05.09.2006)

В выше приведенной цитате виновными в ситуации представляют приезжих, которые поставили себя выше закона. Местных русских жителей, которых здесь называют «горожанами», представляют как терпеливых людей, раздражение которых потихоньку развивалось. Интерпретация повторяется и в следующих цитатах.

Конфликт зрел давно. И призывы националистов попали в "яблочко". – *Мы терпели-терпели, но теперь уж мы этого просто так не оставим,* – цедит сквозь зубы Сергей Петров. – Вот выйдем из больницы – мы покажем, кто хозяин в городе... (Известия 11.09.2006.)

Выехавший на место событий корреспондент "Известий" убедился: *местные жители считают происходящее следствием того, как вели себя некоторые чеченцы в Кондопоге.* По словам жителей города, несколько лет они безнаказанно терроризировали население, а милиция не предпринимала действенных мер, чтобы наказать виновных. (Известия 05.09.2006.)

Данную интерпретацию, по которой ответственность за беспорядки несут именно криминальные чеченцы, содействовали и опубликованием комментариев главы Карельской Республика Сергея Катанандова. Речь идет о беспорядках.

Их главной причиной стало то, что на наших глазах группа представителей другого народа вела себя дерзко и вызывающе, игнорируя менталитет нашего народа', – считает глава Карелии Сергей Катанандов. (Коммерсантъ 05.09.2006.)

В выше приведенной цитате глава Карелии Сергей Катанандов, который должен было бы представить позицию официальных властей, разделяет граждан РФ на различные народы и отождествляет и идентифицирует себя именно с русским этносом. Говоря о том, что представители «другого народа» вели себя дерзко и вызывающе, «игнорируя менталитет нашего [русского – ЭК] народа» он одобряет и усиливает то будничное представление, по которому этнически русские являются «хозяевами» в Российской Федерации. По данному представлению, остальные народы просто «гости», которые должны адаптироваться к менталитету и правилам хозяина. Данные комментарии, данные представителем республиканских властей, конечно, являются противостоящими официальной риторике государственных властей, по которой Россия должна быть «единая» и для всех этносов.

В целом во фрейме войны кондопожские события характеризовали именно как конфликт между двумя этносами и их причиной считали криминальное и дерзкое поведение или всех, или некоторых чеченцев. Чаще всего конфликт характеризовали «межэтническим». Отрицательную идентичность чеченского этноса основывали не только сведениями о драке, но и другими, совсем нерелевантными для ситуации сведениями.

Нарративная структура фрейма войны предлагает, что кондопожские погромы были именно результатом длительного, нарушающего спокойствие горожан поведения чеченского этноса и что ресторанная драка сработала просто как «последняя капля» для терпения русского народа. По данной логике, ответственность за погромное поведение несут именно жертвы погромов, а не сами совершители разгрома. Предлагаемая криминальность чеченского этноса видится как справедливая причина для уничтожения имущества чеченцев и для требования выселить из города не только представителей чеченского этноса, но и других кавказских народов.

Во фрейме войны порицают именно криминальность этнически других. Зато преступность этнически русских в форме погромов представляют как справедливую реакцию.

[---] вооруженных ножами и битами соплеменников. В итоге четыре трупа. И, как считают чиновники, *неоправданно резкая реакция населения*. (КП 05.09.2006.)

«Неоправданно резкая реакция населения» намекает на погромы. Выражение «четыре трупа» намекает на драку. В цитате журналист делает акцент на то, что он *не* разделяет мнение чиновников о том, что погромное поведение населения было «неоправданно резкой реакцией» на драку, то есть, согласно журналисту, погромы были именно *оправданной* реакцией на «четыре трупа». В цитате используется логика, по которой «четыре трупа» – такое серьезное преступление, что оно автоматически вызывает у людей резкие эмоциональные реакции, но, по мнению непонятливых чиновников, такие натуральные реакция – «неоправданные» и ненормальные. (Напомним также, что использованные здесь сведения о четырех погибших были неверные.) Использование слова «труп» вместе, например, более нейтрального выражения «погибший» подчеркивает именно выбранную точку зрения, что реакции в форме погромов были справедливые.

Выше приведенная цитата включает в себя несколько моральных оценок. Она, во-первых, сильно осуждает преступные поступки участвующих в драке чеченцев. Во-вторых, она предлагает, что уничтожение имущества и требования выселения из города чеченцев русским этносом были справедливой реакцией на преступления отдельных лиц. В-третьих, она порицает властей за то, что они считали погромы неоправданными и незаконными.

В тех редких новостях, в которых интервьюировали эвакуированных из города чеченцев, их представили именно как врагов, которые заслуживали депортацию.

- У меня отличный ребенок, я за него отвечаю! – кричит его мать, Мадина Баканаева. Впрочем, "отличный ребенок" – единственный из задержанных, о чем роде занятий можно что-то сказать. Остальные числятся безработными. Но все имеют квартиры и прописку в Кондопоге. После погромов их семьи выехали из города. Власти поселили 46 человек в пионерском лагере "Айно". Здесь "беженцы" принимают делегации из Чечни, *с удовольствием дают интервью и рассказывают* о том, как их обижали в Кондопоге. – У нас в Чечне дом разрушили, теперь отсюда выгоняют, – жалуется Мадина. *И все они говорят: "Мы – граждане России, мы тут у себя дома, у нас есть прописка!"* (Известия 11.09.2006.)

В цитате чеченцев репрезентируют как людей, не имевших права жаловаться на свою ситуацию. Это бесправие вытекает именно из этнического происхождения эвакуированных.

В выше приведенном тексте существует многие явно уничижительные элементы. Ими, например, являются использование кавычки около слова беженцы и приведение предложений в порядок, который подчеркивает родственность эвакуированных с задержанными за убийства. Кроме того, приведя цитаты из интервью, журналист использует скептические и вызывающие сомнения глаголы «с удовольствием дают интервью», «рассказывают» и «все они говорят». Как будто эвакуированные просто «рассказывали» какие-то несерьезные истории, к которым не надо относиться серьезно.

В начале цитаты, в предложении «У меня отличный ребенок, я за него отвечаю! – кричит его мать» вместе нейтрального глагола используется глагол «кричит», который вызывает представления о несдержанном и неадекватном поведении. Кроме того, после приведения цитаты журналист сам комментирует ее содержание, производя впечатление, что слова интервьюированного не полностью достоверные. В цитате хорошо кристаллизуется неравность говорящих. Слова журналиста имеют больший вес, чем слова эвакуированных. Цитата, как и вся новость, кончается предложением «И все они говорят: 'Мы – граждане России, мы тут у себя дома, у нас есть прописка!'». Нарушение законного статуса чеченцев как граждан РФ не комментируют в остальной новости, и тема осталась без внимания не только в данной новости, но и во всем нашем материале.

Во фрейме войны не обсуждали аморальность, преступность или ответственность участников погромов. Зато оправданность требования выселения и разгрома имущества обосновывали, именно, сведениями о том, что этнически другие по своему характеру – криминальные элементы и ведут себя несоответственно правилам русского социума. Погромы представили как справедливую и натуральную реакцию, и в новостях не обсуждали, например, аморальность такого коллективного возмездия. Тот факт, что погромное поведение представителей русского этноса было, конечно, так же юридически предосудительным и преступным, не отметили в новостях фрейма войны. Иначе говоря, криминальность и преступное поведение представили порицательными только тогда, когда их совершали или этническое меньшинство, или представители правоохранительных органов, но не тогда, когда преступления совершали «обычные члены» русского этноса. Зато разрушение домов и машин чеченцев представили как будто оправданными и справедливыми реакциями. От одобрения уничтожения имущества вытекает и, что в новостях военного фрейма не говорили также, например, о материальных потерях жертв погромов.

6.2. Фрейм народного бунта

Вторым главенствующим фреймом в нашем материале является фрейм народного бунта. Он частично пересекается с военным фреймом, и часто в одной статье присутствуют элементы обоих фреймов. Фрейм народного бунта представляет кондопожские события как *политическое действие*, направленное *против местных властей*. Он повторяется чаще всего в газетах «Известия» и КП.

Нарративная структура фрейма предлагает, что ситуация в Кондопоге развивалась уже задолго до эскалации в сентябре 2006-ого года. По нарративу, длительное бездействие местных властей и милиции перед криминальным поведением чеченцев привело в конце концов к тому, что местные, т.е. русские, жители Кондопоги попытались взять ситуацию в городе под личный контроль. Как в военном фрейме, так и в данной интерпретации поведение местных жителей объясняются комбинацией криминальности «других» и пассивности коррумпированных властей. Виноватыми считают преступных кавказцев и пассивные власти, а их жертвами – этнических русских. Но хотя и фрейм народного бунта создает явно отрицательную криминальную картину «других», в центре внимания фрейма находится все-таки роль властей. Главными виноватыми в ситуации видят местные и республиканские власти и представителей правоохранительных органов, которые «продали» город криминальным чеченцам.

Что касается общих характеристик фрейма войны и народного бунта, оба представляют кондопожские события с точки зрения этнически русских жителей. Они разделяют и механизмы построения идентичностей, и оба создают и распространяют явно стереотипические этнические идентичности. Оба также распространяют расистские предубеждения. Как в военном фрейме, так и во фрейме народного бунта представителей русского этноса представляют как терпеливых северных людей, которых «нужно долго доводить», и чеченцев как представителей другого народа, которые ведут себя не адекватно и игнорируют культуру русского народа (КП 06.09.2006).

Но, в отличие от военного фрейма, фрейм народного бунта представляет кондопожские события не как войну против этнических других, а как *народное восстание против местных властей*. Во фрейме главными и первичными врагами видятся именно представители коррумпированных властей, и массовые беспорядки интерпретируют как политическую активность, направленную на официальные инстанции. Данная интерпретация существует и в следующей цитате.

Конфликт пытались объяснить банальными молодежными разборками, затем – провокацией националистов. И, наконец, переделом бизнеса. Сами же жители Кондопоги убеждали корреспондента "КП", что случившееся было *реакцией на нерешительность местной власти и милиции в решении проблем, касающихся отношений с кавказскими диаспорами.* (КП 07.09.2006.)

В следующей, ниже приведенной цитате хорошо кристаллизуется логика фрейма народного бунта, но в ней существует и явно отрицательные этнические стереотипы. В начале текста комментируют оппозиционную интерпретацию фрейма закона, по которой события в Кондопоге были по своему характеру чисто бытовыми уголовными делами и не имели не политических или других оттенков. Данную интерпретацию мы рассматриваем подробно в главе 6.3. *Фрейм закона.* Кроме того, в цитате присутствуют и элементы военного фрейма, так как есть сопоставление «вести себя [---] как на оккупированных территориях».

Местные власти объясняют, что конфликты бытовые. Это верно. Повод для межэтнических конфликтов всегда бытовой, потому что быт – это образ жизни. И он везде разный. Допускаю, что таджики у себя дома поливают разложенный на полу укроп водой, а торговля наркотиками среди них вполне почтенное занятие. Узбеки, например, выплескивают из пиалы остатки чая. У себя на родине они пьют его во дворе. А как это будет выглядеть, скажем, в кафе или в вашем доме? Но грубые выходки чужаков – еще не причина для погрома. Причина настоящая в том, что на протяжении длительного времени оборотни в погонах и пиджаках с особым цинизмом и жестокостью позволяют пришельцам вести себя с местными жителями без всякого уважения, как на оккупированных территориях. И в Сальске, и в Харагуне, и в Сыктывкаре, и в Кондопоге люди решили, что милиция не обеспечивает элементарного соблюдения законности. Преступники оставались безнаказанными. И это самое важное. Если власть не способна обеспечить порядок, а людям надоело терпеть, тогда и начинаются погромы. (Известия 04.09.2006.)

Таджики и узбеки и другие «чужаки» репрезентируются в цитате как нецивилизованные и обязательно криминальные, но настоящей причиной погромов против других национальностей представляют именно *бездействие властей*, которое позволило этнически «другим» вести себя неподобающим образом и без уважения к местным жителям. В тексте расистские погромы легитимируют коррупционностью и бездействием кондопожских властей.

В цитате этнически другие представляются по своему характеру исключительно криминальными элементами. Преступность и нецивилизованность «других» основывают с помощью примеров, задача которых свидетельствовать, что этнически другие не способны

вести себя по культурным и законным правилам российской общества. Преступность других и коррумпированность властей явно осуждают. Зато, как и во фрейме войны, незаконное поведение местных жителей в течение погромов видят как справедливую реакцию, которая не нуждается в порицании. Как будто погромы, то есть разрушение домов и имущества этнически другой группы, вообще не были бы преступные поступки. Особенно интересным является последнее предложение текста «Если власть не способна обеспечить порядок, а людям надоело терпеть, тогда и начинаются погромы». Здесь о погромах говорят как будто это – неизбежные происшествие, которые просто самопроизвольно и автоматически «начинаются». Ответственность за погромы переносят с плеч их участников на представителей властей и на плечи жертв погромов.

Интересным в выше приведенной цитате является и само именование «погромы», которое обычно имеет явно отрицательные коннотации. Обычно словом «погром» называют массовые насильственные действия, которые направлены против какой-либо группы населения по расовому, национальному или религиозному признаку. Действия могут включать в себя уничтожение домов и предприятий, грабеж имущества, физические нападения, насилия и т.д., то есть погромы являются не только криминальными преступлениями, но и морально предосудительными расистскими поступками. Во фрейме народного бунта слово «погром» использует все-таки противоречивым способом. С одной стороны, кондопожские события признают погромами, но – с другой стороны – расистские свойства вычеркнуты и погромы представляют не как расистские аморальные действия, а как справедливые политические акции. Вычеркивание расизма можно видеть и в предложении «Но грубые выходки чужаков – еще не причина для погрома». В первой части предложения используют явно расистское выражение «грубые выходки чужаков». А сразу после этого, во второй части происходит кажущееся отрицание расизма. «Грубые выходки чужаков» не достаточны для объяснения причин погромов. Если погромы происходили только из-за грубых выходок других, они были бы, конечно, расистские, и таким образом предосудительные. Но так как они, по мнению журналиста, происходят из-за терроризирования местных жителей «другими» и с одобрения властей погромы являются именно оборонительными действиями и выражениями недовольства местными властями, то есть позитивными политическими действиями. Сочетание роли властей с погромами придает им именно политический характер. Они становятся синонимом *восстанию*, и, в конце концов, слово «погром» теряет свое первоначальное отрицательное значение.

Данное синонимичное использование слово, конечно, особенно тревожное. Оно позволяет представить расистские и криминальные поступки без порицания, как будто

погромы не являлись бы тяжкими нарушениями закона и прав человека. Как будто такие погромы не включали бы в свои жертвы людей, которые не имеют ничего другого общего с первоначальными отдельными преступниками – чем общий этнический признак. Вообще во фрейме народного бунта погромы представляют как позитивные и активные действия народа.

Главным сообщением фрейма народного бунта является то, что этнически «другие», и это касается особенно кавказских и каспийских народов, способны на криминальные действия, и формируется угроза русскому населению, и если власти не защищают русских от этой угрозы, потом они как большинство имеют право на самосуд и даже на нападения на этнически «других». Данная логика является особенно опасной, так как каждое совершаемое этнически «другим» преступление свидетельствует о предлагаемом криминальном характере этноса и дает русскому населению право на погромы. Об этом говорит и то, что после кондопожского инцидента особенно газета КП систематически сопоставляла все ресторанные драки между лицами разных этносов с Кондопогой и прогнозировала повторение погромов. Так как криминальность других и коррумпированность властей видели как автоматические и неизбежные свойства определенных групп, так и повторение погромов в других областях видели неизбежным.

Утверждения о криминальности целого этноса, конечно, типичные и классические механизмы бытового расизма. Но с научной и социологической точек зрения они являются ошибочными, так как преступность человека не связана с этническим или биологическим происхождением. Скорее преступная картина других проистекает от того, что люди склонны видеть представителей других групп в гомогенном свете. Это значит, что когда один представитель аут-группы совершает преступление, преступность автоматически станет характеризовать и всех остальных членов данной группы. Данная гомогенная логика доминирует и новостные статьи фрейма народного бунта, в которых не только чеченцы, но и другие представители кавказских и каспийских национальностей представляют как одну массу без индивидуальных различий. Например, ни в одной из анализируемых нами новостных статей фрейма народного бунта не опубликовали информацию, которую подчеркивала бы гетерогенность и индивидуальные различия этнически «других». Представителей других этносов интервьюировали чрезвычайно редко, и в тех некоторых коротких интервью, которые были опубликованы, говорили только представители общин и лидеры диаспор, а не так называемые обычные люди. Это, конечно, и далее поддерживает безликую картину этнически «других».

Кроме отрицательной идентичности «других» во фрейме народного бунта, подчеркивали пассивную роль властей в решении ситуации.

Итак, единственной в стране политической силой, которая оперативно среагировала и использовала по полной программе кондопожскую пороховую бочку, стало Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) – структура, которая по закону и партией-то не является. "Настоящие" партии дружно молчали все выходные. [---] Кондопоге сегодня по-настоящему популярен только один лозунг: "Россия для русских!" и одна программа: "Выселить всех кавказцев". Не потому, что местные жители враз принялись исповедовать идеологию национальной нетерпимости. Просто никакого другого решения существующей в городе проблемы им никто, кроме ДПНИ, не предложил. (Известия 05.09.2006.)

В цитате единственным реагирующим на ситуацию политической силой представляют «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ). Участием его и объясняют ксенофобское поведение участников погромов.

Но сейчас чиновник остался за кулисами событий. В Кондопоге видны только две противоборствующие стороны – взбунтовавшиеся местные жители и агрессивные пришлые. А чиновники тихо пересидят проблему у себя в кабинетах. (КП 05.09.2006.)

Здесь похожие на вышеприведенные цитаты комментарии, в которых официальные власти обвиняли в пассивности в решении проблемной ситуации, публиковались особенно в газетах «Известия» и КП. Данные критикующие роль властей представления являются явно оппозиционным представляемому нами в главе 6.3. фрейму закона.

Немного бесстрашнее новости были опубликованы в газете «Коммерсантъ», но логика фрейма, однако, та же самая. События в Кондопоге видят по своему характеру именно политическими и их считают выражением «недовольства».

Все это возможно: поджог кафе и магазинов вполне может быть делом нескольких человек, как "авторитетных" конкурентов, так и фашиствующих молодчиков. Но слишком уж много людей участвовало в митинге в Кондопоге: на фотографиях с места событий видна полностью заполненная городская площадь. И речь идет не о бритоголовых подростках – здесь и женщины, и вполне прилично одетые мужчины, и молодежь, и старики. Налицо действительно массовая демонстрация. Быть может, в толпе и были представители местного криминалитета; быть может, была здесь и агитация со стороны заезжих ксенофобов – но масштабы недовольства явно гораздо шире. Мотив, который все чаще проскакивает в репортажах из Кондопоги, – это недовольство местных жителей бездействием органов власти. В Кондопоге "купленная" милиция якобы не стала вмешиваться в драку, с которой все

началось, и вообще всегда попустительствовала хулиганским выходкам представителей чеченской диаспоры. Все это не оправдывает самосуд и погромы. Но массовая демонстрация в Кондопоге все больше начинает выглядеть демонстрацией именно *против неэффективности и продажности органов власти и охраны правопорядка*. (Коммерсантъ 06.09.2006.)

В цитате речь идет о разных возможных интерпретациях событий. Журналист комментирует разные варианты, но делает вывод, что прежде всего кондопожские события рассказывает о «недовольстве» русского населения «неэффективностью властей и правоохранительных органов». В сравнении, например, со статьей в «Известиях», из которой мы привели цитату выше, использованный язык является здесь более сдержанным и в статье не прямо содействуют распространению расистских предубеждений. Зато журналист отмечает, что недовольство населения «не оправдывает самосуд и погромы».

Но, несмотря на внешнее порицания расизма, внутренняя логика фрейма все-таки может содействовать расистским проявлениям. Проблема данной логики в том, что интерпретирование событий как «демонстрации» подчеркивают именно политическое и «справедливое» свойство ситуации, а это сильно вычеркивает расистские и незаконные элементы. Когда расистские элементы, такие как требования выселения и уничтожение имущества, вычеркнуты в новостях, их не надо обсуждать, или порицать, и данные темы можно просто устранять от дискуссии. Из тех новостей, в которых фрейм народного бунта являлся доминирующим, ни в одной не писали о несправедливости или незаконности требований выселения чеченцев. Также ни в одной новости не говорилось о моральной предосудительности или материальной ответственности участников погромов. Данные темы отсутствуют и в следующей после событий дискуссии, которую мы рассматриваем в подробностях в главе 7. *Анализ кондопожской дискуссии*.

Из всего вышесказанного вытекает, что фрейм народного бунта производит интерпретацию, согласно которой нападения на этнические меньшинства являются справедливыми, *если* русское население чувствует себя недовольным работой властей. Иначе говоря, члены других этносов становятся козлами отпущения, на которых можно направлять то недовольство, которое, в самом деле, должно было направлено на сами власти.

Вместо коррумпированности властей в статьях фрейма народного бунта обсуждают «этническое преступление». Интересно, что главное внимание фрейма не направлено на дискуссии о коррумпированности и неэффективности как общественные проблемы, а направлено на подчеркивание криминальной идентичности этнически «других». Данная логика, по которой ответ на проблему лежит именно в решении предлагаемой

преступности этнически других, а не в раскрытии и ликвидации коррумпированности представителей властей, особенно хорошо кристаллизуется в следующей цитате.

В Кондопоге конфликт спровоцировали политики. А на Руси дела еще хуже. Этнические преступные группировки, которые вытеснены из федерального пространства столичных городов в промышленные резервации, легко договариваются с местными коррумпированными властями и правоохранительными органами. И как результат – беспредел. И, когда у людей накапливается недовольство этим беспределом, оно вырывается в виде эксцессов, которые очень похожи на ксенофобию и русский фашизм. [---] Рецепт лечения прост: этническая преступность – предмет заботы госбезопасности. Потому что они провоцируют национальные взрывы. И они будут повторяться. Потому что, кроме объективной почвы, есть огромное количество заинтересованных лиц и провокаторов. Те, кто борется с так называемым путинским режимом. Для них это единственный реальный инструмент, которым можно дестабилизировать политическую ситуацию в России. (КП 19.09.2006.)

В цитате речь идет об «этнической преступности», которая продуцирует национальные взрывы. Лечение проблемы, согласно журналисту, простое. Так называемая этническая преступность должна стать предметом заботы государственной безопасности. Следовательно, государство должно действовать против криминальных «других», так как они так легко договариваются с местными коррумпированными властями, которое в свою очередь, производит национальные взрывы в форме эксцессов, которые «очень похожи на ксенофобию и русский фашизм». Цитата особенно ясно показывает логику, по которой причина проблемы лежит именно в криминальности других этносов и лечение проблемы – лечение этнически других, а не искоренение коррумпированности государственного аппарата. Та же самая тенденция доминирует практически во всех новостях фрейма народного бунта. Коррумпированность властей представляют как причину кондопожских и похожих на его событий, и властей критикует за это, но дискуссии о том, как решать проблемы коррупции, отсутствует в дискуссиях. Зато дискуссия концентрируется главным образом на то, как этнически другие склонны нарушать и не уважать закон и местных жителей и как им надо изменяться.

Кроме предложения лечения проблемы, интересным в выше приведенной цитате является и выражение «эксцессы, похожие на ксенофобию». Другими словами, требования выселять целые этносы из города и разрушение имущества по этническому признаку, согласно журналисту, только выглядит ксенофобией, но в самом деле они не являются ксенофобскими поступками. По журналисту, это не ксенофобия, потому что «этническая преступность» продуцирует состояние, в которых терпеливым местным

жителям, т.е. этнически русским, надоедает беспредел и они становятся легкими объектами для политических провокаторов, которые хотят устроить беспорядки в форме погромов. По данной логике, ответственность за погромы несут преступные «другие» и политические провокаторы, а не сами участвующие в погромах индивидуумы. Интерпретации «похожи на ксенофобию» игнорирует тот факт, что для жертв погромов дискриминирующие последствия являются настолько конкретными и не зависят от того, считаются ли нападения настоящей ксенофобией или только «похожей» на ксенофобию. Страдание людей, которые должны покинуть свои дома, потому их признают членами того или иного этноса, такое же, несмотря на то, считают ли требующих выселения расистами или нет.

Точка зрения тех людей, которые стали жертвами погромов, не представлена в анализируемых нами новостях. Хотя внутри фрейма народного бунта опубликовали и некоторые статьи, в которых внешне порицали погромы, доминирующей тенденцией в новостях является все-таки представления событий с точки зрения русского этноса. В целом внутри фрейма народного бунта не публиковали интервью пострадавших в погромах, не давали оценки материального ущерба чеченцев и не описывали уничтожение имущества с точки зрения жертв погромов.

Внутренняя логика и нарратив, по которому кондопожские погромы были результатом криминальности чеченцев и коррумпированности местных властей, устраняли от новостей такие статьи, которые представили бы ситуацию с позиции чеченского этноса. Зато в новостях публиковали огромное количество интервью местных русских жителей, которых использовали именно в поддержании созданной отрицательной идентичности чеченцев. Данную тенденцию можно видеть и в нижеприведенной цитате, в которой представитель украинской общины рассказывает о своем визите к эвакуированным из Кондопоги чеченцам.

Глава карельского Общества украинской культуры Лариса Скрипников рассказала, что съездила в лагерь "Айна" под Петрозаводском, где разместились семьи чеченских беженцев из Кондопоги, и пришла в ужас. "Я разделяю их боль и тревогу, я привезла с собой конфеты и свитер, стала спрашивать, чем я могу помочь, и *меня очень насторожила их реакция*, – говорила госпожа Скрипникова. – Они сказали, что им ничего не нужно, а нужно, чтобы освободили их парней – шестерых чеченцев, арестованных по подозрению в причастности к убийству в Кондопоге. Но ведь наши дети тоже арестованы! (Коммерсантъ 07.09.2006.)

В цитате говорящая представляет свою симпатию и тревогу за чеченских беженцев. Она рассказывает о своем желании помогать. Но когда представители меньшинства не хотят стать объектами помощи и не располагаются в ожидаемую

помощником признательную рамку, благодетель обижается. Цитата, которая началась с симпатии и тревоги за этническое меньшинство, заканчивается отрицательной картиной неблагодарных «их». Таким образом, задача цитаты не дать информацию о состоянии чеченцев, а содействовать созданной идентичности в статье выше «мы – хорошие, они – нехорошие». Кроме того, говорящий в цитате подчеркивает общность русского и украинского этноса и говорит о «наших детей» как будто украинские и русские объединились в одну языковую и культурную общину против чеченцев.

6.3. Фрейм закона

Совсем другую интерпретацию Кондопоги предлагает фрейм закона. Он представляет ситуацию с точки зрения властей и рассматривает события через призму законности/незаконности. Фрейм закона повторяется практически во всех новостях официальной газеты РФ «Российская газета». Он является прямо оппозиционным доминирующим в остальных газетах фрейму межэтнической войны и фрейму народного бунта. В отличие от фрейма войны и народного бунта, властей представляют как решателей, а не виноватых в проблеме. Вообще в фокусе фрейма находятся именно наведение порядка и решение проблемной ситуации, а не поиск виновных или причин произошедшего. Особенно большая часть состава новостей фрейма законы посвящена описанию действий правоохранительных органов.

Во фрейме закона чаще всего ссылаются на официальные источники, таких как представители республиканских властей, прокурор или милиция. В отличие от других фреймов, интервью очевидцев и так называемых обычных людей используются чрезвычайно редко. Из опубликованных за период 04.09.2006 – 15.09.2006 в РГ 13 новостей только в одной коротко интервьюировали местного жителя. Зато используются интервью представителей церкви, депутатов Думы, адвокатов и председателей думских Комитетов и представителей Общественной Палаты.

Фрейм законы сосредоточивается, во-первых, на представлении и ресторанный драки, и массовых беспорядков как *бытовых уголовных дел*, и, во-вторых, на подчеркивании роли правоохранительных органов в *наведении порядка* в ситуации. Фрейм представляет требования выселения и уничтожения имущества как чисто бытовые нарушения закона, не имевшие ксенофобского или межнационального характера, и производит интерпретацию, согласно которой ресторанная драка и дальнейшие беспорядки – уголовные и законно

предосудительные поступки, которые нуждается в решении и наказании властями. Но хотя погромы порицают во фрейме, их предосудительность вытекает именно от незаконности, а не от расистского характера поступков.

В отличие от других фреймов, фрейм закона является довольно закрытым. Он практически не пересекается с другими фреймами и не включает в себя элементы остальных фреймов. Это значит, что в тех новостях, которые представляют Кондопогу с точки зрения властей, не предлагают другие варианты интерпретации. На вопросе о характере событий дают только один ответ. Это – чисто бытовое уголовное дело. Например, из анализируемых нами опубликованных в РГ новостях ни в одной из поддерживали межэтническую или экономическую интерпретацию событий. Напротив, межэтнический или ксенофобский характер событий систематически отрицали во всех новостях.

Фрейм закона отличается от других фреймов тем, что внутри него практически не используют такие типичные элементы построения фрейма, как метафоры, сопоставление, слоганы и др. Зато используемый язык является по своему характеру очень официальным, даже «сухим» и поверхностно нейтральным. Это связано с тем, что новостные статьи фрейма закона состоят в большей степени из интервью представителей официальных инстанций. Используемая представителями властей официальная лексика проникает в новостную структуру и доминирует в описании событий. Вследствие этого во фрейме используются создающие нейтральное впечатление именованья и выражения. События описывают бесстрастно, и фрейм закона не поддерживает прямо расистское использование языка или обновления этнических предубеждений. В отличие от других фреймов, во фрейме закона также не строят стереотипических отрицательных этнических идентичностей.

Вместо метафор и других красочных языковых выражений фрейм закона строят в первую очередь механизмами вычёркивания и подчеркивания, т.е. с помощью выбора точки зрения. Выбранная точка зрения – официальная, и она рассматривает кондопожские события как будто «сверху вниз». Это значит, что все события представлены именно с точки зрения официальных властей и через призму закона. В новостях РГ ситуацию определяют только представители властей и правоохранительных органов, не так называемые обычные люди. Новости сосредотачиваются на описании действий властей и органов правопорядка. В новостях подчеркивают точку зрения властей и уголовное свойство событий и вычеркивают взгляды местных жителей и межэтнический характер конфликта. В следующих разделах мы рассматриваем подробнее, с помощью каких механизмов была построена опубликованная в РГ в 04.09.2006 новость о Кондопоге. Как большинство новостей РГ, так и эта новость начинаются именно с утверждением того, что ситуация под контролем властей.

По словам главы республики Сергея Катанандова, карельские власти готовы даже ввести в Кондопоге комендантский час, если в ближайшее время беспорядки не будут прекращены. (РГ 04.09.2006.)

Подобные предъявления используют как слоганы, и они, безусловно, связаны с ролью РГ как официальной газеты РФ. В данных предъявлениях представители властей говорят прямо населению, и, в отличие от других газет, предъявления опубликованы без комментариев. Чаше всего в данных слоганах или отрицают межэтнический характер событий, или утверждают, что ситуация под контролем властей. О роли официальной газеты свидетельствует, например, и то, что из всех анализируемых нами газет сконфуженные заявления Сергея Катанандова о дерзко ведущих себя представителях «другого народа» не опубликовали только в РГ.

После приведения слогана новость переходит на описание самого произошедшего.

Поводом для волнений послужила массовая драка между несколькими коренными жителями города и приезжими с Кавказа в ночь на 30 августа в местном ресторане "Чайка". Как *утверждают* в республиканском министерстве внутренних дел, в стычке участвовали около 20 человек. [---] По словам милиционеров, причиной драки стал конфликт между барменом ресторана, азербайджанцем по национальности, и группой посетителей. [---] Расследование уголовного дела *взял под личный контроль* прокурор республики. [---] Губернатор *пообещал* найти и наказать виновных в массовой драке, но при этом подчеркнул, что республиканские власти не позволят зачинщикам беспорядков продолжать бесчинства. [---] Как сообщил Михайлов, представители чеченской диаспоры Карелии выдали властям трех участников драки в ресторане "Чайка", завершившейся гибелью двух жителей Кондопоги. Еще несколько кавказцев милиции *удалось* задержать своими силами. Однако в розыске по-прежнему находятся трое местных жителей, спровоцировавших конфликт. (там же)

В выше приведенных цитатах речь идет о начавшей цепь событий ресторанной драке. В отличие от других фреймов, здесь драку описывают именно с точки зрения представителей правоохранительных органов. Вместо подробного описания драки смысловое ударение в новости – на охраняющую и контролирующую роль официальных властей. В новости рассказывают, как «губернатор пообещал найти и наказать виновных», «расследование уголовного дела взял под личный контроль прокурор республики», и «милиции удалось задержать» участников драки. Хотя и здесь люди разделяются на коренных жителей и пришельцев, драку представляют как бытовое уголовное дело, не как

конфликт или войну между этносами. Далее новость продолжается описанием требований выселения из города чеченцев.

Однако в Кондопоге заговорили о необходимости выдворения из города всех кавказцев. (РГ 04.09.2006.)

Обратим внимание на слова «однако». Оно намекает на представленные в выше приведенных цитатах действия правоохранительных органов. Риторическая задача слова «однако» – создать впечатление, что хотя власти корректно и полностью выполнили свои должностные нормы, приняв также все необходимые в ситуации законные меры, население все-таки придерживается иной точки зрения и хотело бы взять право голоса и решения в свои руки и выдворить из города кавказцев. Иными словами, желание выдворить из города всех кавказцев представлено здесь, во фрейме закона, как несправедливое действие.

[---] - рассказал корреспонденту "Российской газеты" глава кондопожского городского поселения Анатолий Папченков. – Люди окружили здание администрации и даже хотели его штурмовать, если мы не удовлетворим их требования. Мы попытались объяснить собравшимся, что выдворять из города приезжих с Северного Кавказа, которые проживают здесь на законных основаниях, мы не вправе, но многие и слушать нас не хотели. (РГ 04.09.2006.)

В цитате опять повторяется точка зрения властей. В отличие от других фреймов, массовый митинг представлен только с позиции городских властей, и события описывают будто изнутри здания администрации. Позиция местных жителей отсутствует в новости. Отношение властей к народу представлено как будто отношение отца к детям. Глава городского поселения рассказывает, как представители властей «попытались объяснить» собравшимся у здания людям, что власти «не вправе удовлетворять» их требования и выдворять из города живущие там на законных основаниях приезжих с Северного Кавказа, но многие из собравшихся «и слушать [...] не хотели». Итак, в цитате население представляют как непослушных детей и требования и угрозу штурмовать здания администрации как нерациональное, «плохое» поведение и нарушения порядка и правил.

Отсюда вытекает, что требования выселить из города представителей кавказских национальностей представляют именно незаконными и производящими беспорядки действиями, но не морально предосудительными поступками. Требования населения считают предосудительными, именно потому, что они являются несоответствующими закону, а расистский и дискриминирующий характер требования вычеркнуты в текстах. Вместе того, чтобы власти объявили, что такие требования звучат как

явно дискриминирующие и их не будут удовлетворять, глава городского поселения говорит только о том, что власти не имеют права выполнять такие требования. Все это связано с тем, что власти систематически стремились отрицать присутствия межэтнического элемента.

Неудовлетворенные жители города не спешили расходиться, а подогретые пивом подростки перешли к более активным действиям. По сведениям регионального управления ФСБ РФ, после проведения митинга в Кондопоге было совершено 11 поджогов: бесчинствующая молодежь сожгла ресторан "Чайка", несколько магазинов и автомашин, а также дом, принадлежавший выходцам из Кавказа. (РГ 04.09.2006.)

В выше приведенной цитате речь идет о последовавших после митинга погромах, которые во фрейме закона чаще всего называли «беспорядками», «бесчинствами» или «хулиганством». Одна из особенностей фрейма закона та, что практически во всех новостях подчеркивали, что участники беспорядков были именно выпившие и бесчинствующие подростки. Погромы представляли систематически как детское и бессмысленное поведение молодых людей, которое не имело никакой идеологической основы. Данная тенденция является явно оппозиционной к представлению фрейма народного бунта, в котором политический характер Кондопоги обосновывали тем, что в массовом митинге участвовали люди всех возрастных групп.

Слухи о "межнациональном конфликте" в Кондопоге развенчал и служитель церкви, в которой произошло отпевание убиенных: – Я думаю, что попытки отдельных людей перевести имевший место конфликт из бытовой в межнациональную плоскость не имеют под собой никакой почвы, – прокомментировал ситуацию протоиерей Лев, настоятель Успенского собора в Кондопоге. – Наглое и демонстративное поведение, погром, устроенный подростками, не оправданы ничем иным, как желанием выпустить адреналин. Удивительно, что за бесчинствами подростков со стороны наблюдали взрослые люди и спокойно проходили мимо. (РГ 05.09.2006.)

В цитате погромы определяет представитель церкви. Хотя говорящий явно порицает бесчинствующее поведение подростков, он также подчеркивает, что в основе погромов не было никаких этнических предубеждений, а было просто желание подростков «выпустить адреналин».

Как говорилось выше, отрицание ксенофобского характера событий являлось доминирующей тенденцией внутри фрейма закона. В следующих цитатах можно видеть, как разные представители властей систематически отрицали этнический характер событий.

Это уголовное преступление, а не этнический конфликт, – убежден глава Карелии. (РГ 05.09.2006.)

Мы не допустим раздувания уголовного преступления в этнический конфликт, – заявил глава Карелии Сергей Катанандов [---] (РГ 05.09.2006.)

Говорить о национальных причинах конфликта в Кондопоге преждевременно – к такому выводу пришли вчера на экстренном заседании члены Комиссии по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов, силовых структур и реформированием судебной системы и Комиссии по вопросам толерантности и свободы совести Общественной палаты. (РГ 05.09.2006.)

Проблематичность отрицания присутствия ксенофобского элемента лежит в том, что оно делает невозможным моральное осуждение явления. Отрицание ксенофобского характера не позволяет провести детальную дискуссию о составе расизма, т.е. о причинах этнических предубеждений, о дискриминирующих последствиях погромов и т.д. Если направленные на одно этническое меньшинство погромы представляют как чисто хулиганское поведение без расистского свойства, моральное порицание явления становится не только ненужным, а даже невозможным. Короче говоря: если нет расизма, не нужна и дискуссия о нем. Представление участников погромов как просто бесчинствующих подростков позволяет осуществить только законное и юридическое, но не моральное порицание погромного поведения, и это может далее содействовать, а не противодействовать дискриминирующим практикам. Данная тенденция кажется нам довольно опасной, так как оно может служить как тихое, молчаливое одобрение дискриминирующего поведения.

Когда мы рассматриваем следующие цитаты, мы замечаем, что говорящие власти обосновывают бытовой, уголовный характер беспорядков именно типичными элементами расизма. Напомним, что, по Майлсу, расизм должен всегда рассматриваться как идеология, которая можно содействовать каким-то конкретным, например, политическим или экономическим целям. Здесь глава Карелии Сергей Катанандов говорит именно об использовании этнических предубеждений в целях решения политических или бизнес-интересов.

Вчера глава Карелии Сергей Катанандов заявил, что власти гарантируют спокойствие населению: – Те, кто пытается решить свои политические и бизнес-интересы путем разжигания конфликта между народами, живущими в Карелии, сядут на скамью подсудимых вместе с теми, кто в пьяном угаре замахнулся на жизнь людей. Подчеркнув, что происшедшее в Кондопоге – не этнический конфликт, а конфликт определенных групп, в который были втянуты люди

разных национальностей, он дал поручение министерству образования Карелии провести среди учащихся школ разъяснительную работу о необходимости соблюдения законов, проявлению толерантности к различным национальностям. (РГ 06.09.2006.)

В цитате повторяется логика, согласно которой конфликт в Кондопоге не мог быть по своему характеру этническим, потому что беспорядки были инициированы внешними провокаторами, которые имели свои собственные политические или экономические цели. По данной логике, сами участники погромов не имели ксенофобских мотивов, их поведение не было по своему характеру расистское, а они просто стали инструментом умелого манипулирования со стороны внешних деятелей. Данная интерпретация довольно близка к интерпретации фрейма народного бунта, согласно которому погромы были только эксцессами, «похожими на ксенофобию». Она сдвигает моральную ответственность с самых погромщиков на более хитрых внешних провокаторов и сводит детальное обсуждение дискуссии к склонности народа к экстремистским действиям. Несмотря на юридическое осуждение поведения участников погромов, вследствие отрицания расизма в комментарии отсутствует моральное порицание явление. Интерпретация, по которой мотивированные отрицательным стереотипом и направленные на одну этническую группу нападения не являются расистскими, потому что они были спровоцированы извне, кажется нам неправильной. Напомним еще раз, что, с точки зрения жертв дискриминации, не особенно важно, определяют ли себя погромщики расистами или нет, так как конкретные последствия дискриминации все-таки одинаковые. Зато в публичной дискуссии признание расизма играет большую роль. Если расизм не признают, и о последствиях его не говорят. Поэтому в признании расизма и ксенофобии было бы важно использовать именно научные критерии. Если вместо признания его присутствие чисто отрицают в СМИ, это может, как уже говорилось, сигнализировать о тихом, негласном одобрении явления.

Интерпретация, согласно которой погромы не расистские, потому что они – результат активной провокации, выкинула от дискуссии, например, обсуждение того, *почему* именно ненависть против этнически других является легким инструментом для достижения политических или экономических цел. Кроме того, в новостях не обсуждали, какие примеры надо взять для анализа данного конфликта, чтобы уменьшить склонность людей к экстремизму. Хотя во фрейме закона часто представляли и подчеркивали действие властей в эвакуации чеченского меньшинства, в новостях не давали моральных оценок дискриминирующему характеру требований депортации полномочных граждан РФ. Единственным опубликованным комментарием о правах чеченцев в газете РГ были

приведенные уже выше слова главы кондопожского городского поселения Анатолия Папченкова: «Мы попытались объяснить собравшимся, что выдворять из города приезжих с Северного Кавказа, которые проживают здесь на законных основаниях, мы не вправе, [---].» (РГ 04.09.2006). Но и здесь о чеченцах говорят как «приезжих с Северного Кавказа», а не как гражданах одного и того же государства.

Отметим также здесь, что использованное во многих анализируемых нами статьях именование «приезжие» включает себя интересные, но довольно неравные элементы. Выражением «приезжие» намекают и на людей, которые проживали на территории Карелии уже лет 10-15, но которые никогда не будут иметь возможности стать «местными» жителями, так как их неславянская внешность постоянно идентифицирует как группу «приезжих». Зато такие люди, которые имеют славянскую внешность, но приехали в Карелию с других территорий РФ или даже из других государств, как например, с Украины или Беларуси, могут рассчитывать попасть в группу «местных» жителей, хотя они прожили бы на месте более короткое время, чем те, которых можно легко узнать как «приезжих» по внешним признакам.

Хотя в новостях фрейма закона систематически отрицали присутствие ксенофобии, фрейм все-таки имел некоторые позитивные свойства. Во-первых, в отличие от других фреймов, внутри него не прямо распространяли этнические предубеждения и не использовали расистский язык. Во-вторых, хотя внутри него не порицали ксенофобское поведение участников погромов, их поведение все-таки порицали на основе закона. И, в-третьих, отрицание ксенофобского элемента Кондопоги принесло в публичную дискуссию некоторые статьи, в которых создавали не только более гетерогенную, но и мирную картину о представителях этнических меньшинствах. К данным статьям мы вернемся в конце следующей главы.

6.4 Фрейм бизнеса

В нашем материале *фрейм передела бизнеса* играл только небольшие и второстепенные роли. Хотя о возможных экономических причинах конфликта говорилось во всех анализируемых нами газетах, экономическая интерпретация все-таки не являлась главенствующим ни в одной анализируемой нами статье. Мы считаем вероятным, что фрейм бизнеса использовали чаще в других СМИ, оставшихся вне нашего анализа.

На интерпретацию о Кондопоге как передела бизнеса чаще всего намекали в форме открытых вопросов.

Массовые волнения в Кондопоге – это передел собственности? (Известия 05.09.2006.)

Виноваты группировки, делившие бизнес? Точного ответа на этот вопрос до сих пор нет. (Известия 06.09.2006.)

На вопрос: "Кто хотел занять в Кондопоге место кавказских бизнесменов и самого могущественного торговца в городе – владельца ресторана "Чайка" Иманова?" – ответить сложно. (КП 05.09.2006.)

Хотя та возможность, что в основе конфликта лежали экономические интересы и желание переделить экономические ресурсы, была отмечена в большинстве статей, только в особенно редких текстах угадывалось, кто и что хочет переделить.

Существуют четыре версии. Согласно первой – экономической (ее отстаивают в МВД), причиной погромов стал конфликт между местной "братвой" и чеченской диаспорой. Стороны банально не смогли договориться в разделе городской собственности. (КП 05.09.2006.)

В некоторых статьях говорилось, что преступные группы хотели разделить что-то уже в ходе драки. В газете «Коммерсантъ» писали, что экономические причины – это собственно «чеченская версия» событий.

Однако лидер чеченской диаспоры Магомед Матиев считает, что у беспорядков чисто экономические причины. По словам господина Матиева, местные уголовные авторитеты заинтересованы в том, чтобы выгнать из города чеченских предпринимателей, и поэтому они всячески провоцируют антикавказские погромы [---] По версии чеченцев, отказ платить дань послужил и поводом для конфликта в "Чайке". (Коммерсантъ 04.09.2006.)

Вполне возможно, что о подробностях передела бизнеса не писали в газетах, потому что его воспринимали как взгляд чеченцев. Если экономические причины понимаются как желание русского большинства получить доступ в торговлю на городском рынке и выгнать чеченских торговцев из города, вопрос моральности использования погромов как средства достижения такой цели не обсуждался в новостях. Объяснения Кондопоги как борьбы между этническими группами за ресурсы появились на страницах газет только позже, осенью, и их

привнесли в публичные дискуссии именно специалисты в ходе общей дискуссии о ксенофобии.

7. Анализ кондопожской дискуссии

Предлагаемые новостями интерпретации сильно влияли на продолжавшуюся всю осень дискуссию о кондопожском инциденте. В данной главе мы представим доминирующие в данной дискуссии дискурсы, и рассмотрим, какие темы новостные фреймы или принесли в дискуссию, или выкинули из нее. В конце главы мы обсуждаем роль специалистов и социологов и представим, как именно они интерпретировали ситуации и какие взгляды они привнесли в дискуссию. Начнем мы с тенденций, которые кажутся нам отрицательными в отношении к противодействию расизма и окончим рассмотрением тех тенденций, которые, на наш взгляд, могут иметь потенциал содействовать развитию толерантности в обществе.

Дискуссия была по своему характеру многообразная, и так как из-за большого количества материала ее самое точное и детальное представление не является возможным в рамках нашей работы, мы выбрали для представления, кроме доминирующих дискурсов, именно такие особенности, которые, на наш взгляд, являлись или противодействующими антирасистским настроениям, или содействующими им. Отметим все-таки, что представленные в данной главе темы дают адекватно полную и довольно детальную картину о последовавшей после кондопожских событий публичной дискуссии. Мы подчеркиваем, что хотя мы используем здесь довольно грубое разделение комментариев на две главенствующие группы, разные мнения все-таки не содержались в материале как четко ограниченные «блоки», а, например, внутри одной статьи часто упоминались многие мнения.

Мнения о кондопожском инциденте можно грубо разделить на две группы, т.е. на те, согласно которым события были именно выражением общественного недовольства, и, на те, по которым события были по своему характеру ксенофобскими погромами. Обе группы видели кондопожский инцидент как значительное общественное событие, но произошедшее по разным причинам.

7.1. Кондопога – сигнал об «этнической преступности» и неэффективности властей

По мнениям первой группы, Кондопога была тревожным сигналом о криминальном и коррумпированном состоянии российского общества и события в городе не

рассказывали о росте ксенофобских настроений среди народа, а просто о том, что данное обстоятельство уже такое серьезное, что граждане сами были готовы предпринять активные действия. Данная позиция представлена и в ниже приведенном комментарии, который опубликован в газете «Известия».

В моем дворе люди с неславянской внешностью рано утром подметают улицу. Неподалеку такие же люди в оранжевых жилетках недавно положили асфальт. Еще такие люди торгуют на рынке и держат летнее кафе. В моем дворе их много, как много и тех, кто в глубине души отчаянно желает их исчезновения из моего двора. Но пусть зампрокурора Карелии приедет в мой двор и попробует поднять людей на погромы. Его ждет разочарование, даже если он все тщательно спланирует за пределами моего региона. На самом деле заговор действительно был. Этому заговору уже полтора десятка лет. Первые его ростки появились с распадом Союза, с отменой прописки и потерей контроля над миграционными процессами. [---] Этот ползучий заговор привел к небывалому распространению этнических преступных группировок, которые легко и задешево покупали милицию и вообще кого угодно. Этот заговор породил неприкасаемых людей, которые ездят на машинах без номеров и не без основания считают, что могут все. Этот заговор заставил жителей маленького карельского города чувствовать себя униженными. Я уверен, сейчас все прекрасно понимают, что на самом деле произошло в Кондопоге. Знают, что был нарушен баланс, который есть в моем дворе. Даже глава Карелии Сергей Катанандов признает, что приезжие – не важно, какой они национальности – вели себя так, словно купили этот город. И маятник, выйдя из равновесия когда-то, теперь резко качнулся в другую сторону. (Известия 07.09.2006.)

Интерпретация та же самая, которую предлагали в новостном фрейме народного бунта. В комментариях, исходящих из данного положения, сосредоточились на обвинении криминальных этнических группировок и бездействующих правоохранительных органов и властей. Властей обвиняли в коррупции и неэффективности не только в Кондопоге, а сочетание продажности милиции с «этнической преступностью» представили как общероссийскую тенденцию, которая создает угрозу этническому большинству и может создавать похожие на Кондопогу реакции везде в России. Мнения, которые исходили из данного положения, являлись доминирующим в нашем материале, но чаще всего они повторялись в газетах «Известия» и КП, в которых использовали и довольно острые аргументы в критике властей.

Следующая цитата взята из газеты «Российская газета» .

Главной причиной событий в Кондопоге, по мнению председателя Комиссии по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов адвоката Анатолия Кучерены, стало *бездействие местных властей и общая*

криминогенная обстановка. "В городе существует восьмилетнее безвластие", – констатировал адвокат, пояснив, что основные социальные вопросы решает не местная администрация, а руководство крупнейшего предприятия города – бумажного комбината. По свидетельству местных жителей, даже в дни беспорядков мэр города не появлялся на своем рабочем месте. Отдельные вопросы, по словам Кучерены, возникают и к деятельности местных правоохранительных органов: "В городе много некачественной водки, много наркотиков, казино в жилых домах". Что же касается этнического фактора, то, уверен Кучерена, он "появился уже после драки", спровоцировавшей конфликтную ситуацию: "Не скрою, что есть документы, согласно которым ситуацию попытались разогреть". (РГ 14.09.2006.)

И в данной цитате ситуацию в Кондопоге считают именно следствием бездействия местных властей и общей криминогенной обстановки. Как в новостях фрейма закона, так и здесь присутствие этнического или ксенофобского характера события исключено.

События в Кондопоге, Сальске, Сыктывкаре и в других местах тоже спровоцированы безнаказанностью кавказских уголовников. Но теперь толпа пошла громить рынки. Только ведь этим коренное население не защитит. Если милиционер просто отворачивается от бандита, если местная власть с него берет деньги, то как не было порядка, так его и не будет. Проблема – в безнаказанности и тех, кто нарушает закон, и тех, кто за взятки закрывает на это глаза. Пока чиновничье "крапивное семя" будут "перекупать" на корню в уголочках великой России, это вредит ей больше, чем все вместе взятые иностранные недруги. (Известия 09.10.2006.)

Кроме поиска виноватых, в статьях предлагали и средства для решения проблемной ситуации. Так как виноватых к проблеме видели именно криминогенных этнически других, во многих комментариях «лечением» проблемы считали регулирование иммиграции, и то, чтобы «гости уважали хозяина и вели себя соответственно русским нормам». Вообще криминальность этнически других и также коррумпированность властей видели как абсолютные факты, которые уже одни провоцируют проблемы. В следующей цитате можно видеть и идею, по которой славяне должны составлять большинство населения.

Как в Орловской области строятся отношения с приезжими? о: Наша область – это коренная Россия, более 90 процентов – славяне. Но и наш край быстро наполняется, правда, не китайцами, не узбеками, а народами Северного Кавказа. Иногда Закавказья. Пока мы не чувствуем серьезных противоречий, но ропот нашего населения уже слышен, потому что приезжающие люди не всегда соблюдают традиции, обычаи, культуру, нравы местного населения. Нарушая сложившийся уклад жизни, они входят в противоречия с коренными жителями. Кстати, *нехорошая тенденция*: из села славянское население потихоньку уезжает совсем, а приезжают туда другие люди, те, кто раньше не жил в этих

местах. Это пока единичные случаи, но тенденция не может не беспокоить. (Известия 02.11.2006.)

Готовность граждан к дискриминирующим и ксенофобским действиям не обсуждали в комментариях, принадлежавших к первой группе. Зато во многих статьях попытались указать, что тревога за рост ксенофобии на самом деле преувеличенная.

Нам же все время пытаются внушить мысль о росте национализма и фашизма. Помните, какая началась истерика, когда присяжные в Санкт-Петербурге оправдали обвиняемых в убийстве таджикской девочки? Несколько месяцев спустя выяснилось, что убили совсем другие люди. О позорных оскорблениях в адрес присяжных и всей страны никто и не вспомнил. Так и живем и мы, и они с клеймом нацистов... (Известия 04.09.2006.)

Кроме недооценки ксенофобии, расистские преступления представили и как полностью нормальные, бытовые и будничные дела. Здесь речь идет о возможности повторения кондопожских событий в Москве.

В России надо всегда быть готовым к неприятностям. Но Москве Кондопога все-таки не грозит. Не будут москвичи выгонять нацменов из города. Зачем нарушать гармонию? Нет, конечно, в "святой" День десантника пара-тройка нерусских получит-таки в лицо. После скинхеды прилежно выполняют годовой план, и десяток азиатов отправятся в реанимацию, а пара-тройка – на кладбище. Это у нас в Москве дела обычные. Выпустит молодежь пар, успокоится. Остальным москвичам гнать "черных" нет особого резона (кто будет улицы мести, дороги строить), да и если захотели бы, все равно бы не собрались. Да, среднестатистический москвич к мигрантам относится с легкой брезгливостью. Орлиный нос в подсознании включает навеянную криминальной хроникой настороженность – барсеточник, домушник, вор? [---] Но настороженность эта далека от лютой ненависти, да и есть ли у москвича силы, время и безрассудство на погромы? [---] Да и не выглядят, если честно, в Москве южане хозяевами жизни. Особенно в метро, куда несчастные кавказцы и азиаты заходят с обреченностью дойных коров. [---] А еще нерусских спасает в Москве то, что, по сути, делить с русскими им нечего. В отличие от маленьких городков они здесь ни у кого хлеб не отнимают. Москва большая - работы всем хватит. Вот и пользуется москвич дешевой молдавско-азербайджанско-таджикской рабсилой, осторожно, но деловито, в глубине души понимая, что мигрант - штука полезная. [---] И вот этот восхитительно-потребительский настрой москвичей - и есть современный российский интернационализм. Когда государство искусственно не культивирует взаимоуважение между разными национальностями, оно происходит как-то само собой. И люди сами инстинктивно приходят к спасительному компромиссу. Даже такому циничному, как в городе Москве. (КП 05.09.2006.)

В выше приведенной цитате журналист использует иронию, описывая ксенофобских настроений москвичей. Например, совершаемые скинхедами расистские убийства представлены здесь как «дела обычные», которые даже не нуждаются в порицании. Журналист описывает отношения москвичей к мигрантам довольно отрицательными, но констатирует, что, так как люди понимают, что «мигрант – штука полезная», никаких погромов или массовых реакций в Москве не будут. В конце цитата, журналист характеризует московскую ситуацию как «современный российский интернационализм» и «циничным», но «спасительным компромиссом».

Похожие на выше приведенную цитату комментарии, которые нормализовали оба ксенофобские настроение и расистское поведение, не были редкими в нашем материале. Кроме циничной нормализации ксенофобских настроений, в выше приведенной цитате можно видеть и другую, типичную для нашего материала тенденцию. Это – нормализация роли людей с неславянской внешностью как «черных», которые только продают на рынках, кладут асфальт и метут улицы. Как представит иронично журналист, если не они, тогда «кто будет улицы мести, дороги строить?», как будто такие работы не были бы подходящими этническому большинству. Данные представления, которые представляют людей с определенной внешностью как нежелательную, но нужную рабочую силу для непривлекательных работ могут и содействовать, и поддерживать развитие таких практик, которые превращают определенные группы в маргиналов в обществе. Такие однообразные представления этнических меньшинств как только безликой рабочей силы для выполнения менее качественных работ абсолютно не содействуют равноправию людей.

В выше приведенной цитате (КП 05.09.2006) можно видеть и путаницу терминов, которая доминировала в большинстве статей в дискуссии, особенно в газетах КП и «Известия». В начале текста речь идет о «нацменах», т.е. национальных меньшинствах, то есть о людях, которые являются гражданами РФ, но принадлежат к этническому меньшинству. Но в конце текста термин изменяется на «мигрантов». А мигранты – люди, которые являются гражданами какого-то другого государства, но проживают на территории РФ. Такое запутывание терминов не являлось редким в нашем материале. Зато включение, например, чеченцев, которые являются гражданами РФ, в одну группу с иностранными мигрантами было довольно типичным. О данной тенденции свидетельствует и то, что в нашем материале не вели серьезной дискуссии о неравенстве между разными этническими группами российского общества. Также точка зрения самых представителей национальных меньшинств в большей степени отсутствовала в дискуссии. Из анализируемых нами статей

ни в одной не представили, например, будничные проблемы или встреченную представителями меньшинств дискриминацию.

7.2. Кондопога – сигнал о росте ксенофобских настроений

Совсем по-другому кондопожские события освещались внутри второй группы мнений, которая предлагала иную, противоположную интерпретацию ситуации. Согласно этим мнениям, Кондопога была тревожным сигналом именно длительного роста ксенофобских настроений в российском обществе. Здесь важно все-таки отметить, что в нашем материале дискуссию об общественном значении Кондопоги доминировали мнения первой группы и таких статей, в которых обсуждались ксенофобские элементы событий, в нашем материале гораздо меньше, чем мнений, исходящие из первой группы. Такие статьи, в которых аналитически обсуждали проблемы ксенофобии, публиковались в большей степени в газетах «Коммерсантъ» и РГ, но некоторые комментарии были опубликованы и в газетах «Известия» и КП.

Начнем с представления второй группы мнений с представления комментария, опубликованного в газете «Известия». Интервьюируемый здесь рассказывает, как он видит кондопожский конфликт.

Карельская общественная организация "Пацифист": – Последние события все явственнее свидетельствуют о росте национализма и расизма на бытовом уровне. Невнимательность и безответственность властей к межнациональным конфликтам ведут к противостоянию между гражданами России по национальному признаку. (Известия 04.09.2006.)

Интервьюируемый в цитате представитель общественной организации рассказывает, что, по его мнению, кондопожские события свидетельствовали «о росте национализма и расизма на бытовом уровне». Данную интерпретацию поддерживали в нашем материале чаще всего именно представители общественных организаций, социологи и другие специалисты. В своих выступлениях они стремились выяснить причины, лежавшие в основе ксенофобского поведения и роста расистских настроений и предлагали средства для развития межнациональной толерантности в обществе. Одна из самых основательных таких статей была опубликована в газете КП. В ней было представлены мнения пяти специалистов, но также огромное количество мнений обычных людей, взятых с интернет-сайта самой газеты.

В статье специалисты рассматривают расистские явления с разных точек зрения и ищут причины роста ксенофобских настроений в ближайшей истории РФ. В статье хорошо кристаллизуется и многообразие мнений. Участвующие в дискуссии имели довольно разные представления, например, о предлагаемой криминальности этнически других и в статье существуют элементы и первой группы мнений. Самый позитивный эффект статьи был все-таки в том, что в некоторых пунктах она особенно заметно сделала видными механизмы бытовой ксенофобии.

- [--] А ведь еще в начале 90-х уровень ксенофобии в России был одним из самых низких в Европе. Отношение к приезжим было вполне благожелательное, потому что их воспринимали как беженцев из "горячих точек". И считали, что государство должно им помочь. Но в середине 90-х ситуация меняется в худшую сторону. Особенно после кризиса 98-го и начала второй чеченской войны. Сегодня Россия – одна из самых нетерпимых стран мира. Можно, конечно, рассматривать каждый случай проявления национальной розни как единичный факт. Но как социолог я уверен: мы имеем дело не с отдельным фурункулом, а уже с заражением крови – резким падением уровня морали и разложением государства. Потому-то и появляются люди, которые присваивают себе право судить о том, кто плох, а кто хорош, кому в Москве место, а кому – нет. Они берут на себя функции тех органов государства – суда, милиции, – которые бездействуют. – Мы стали агрессивны и нетерпимы, потому что находимся в глубочайшем кризисе. Население чувствует себя крайне неуверенно. Напомню, что после реформ 90-х годов жизненный уровень большинства россиян до сих пор не восстановлен. И тут вдруг приезжают чужаки (а мигранты всегда более активны, чем местные жители) и достигают успеха! Это вызывает сильнейшую зависть и раздражение со стороны основного населения, которое считает, что русские – как этническое большинство – должны находиться в привилегированном положении, а мигранты не имеют права составлять им конкуренцию. (КП 12.09.2006.)

Здесь социолог Лев Гудков объясняет духовный кризис и рост ксенофобских настроений экономическим положением граждан РФ. Он указывает, что ксенофобские настроения не связаны с различием этнических групп, а на самом деле в основе их лежит экономическая «зависть». Напомним, что, согласно Майлсу, расистские явления надо всегда рассматривать как идеологическое действие, имеющие какие-то конкретные цели (Miles 1994:116-118.). В выше приведенной цитате Гудков эксплицирует мысль, как ксенофобия работает как «одеяло» каким-либо экономическим стремлениям. Далее он продолжает:

- Ксенофобию, как и преступность, ликвидировать нельзя – можно регулировать, снижая до определенного уровня. А для этого надо создавать в обществе атмосферу осуждения национальной нетерпимости. Но вряд ли это возможно при нынешней двусмысленной позиции властей, которые перекавалифицируют

преступления, совершенные на национальной почве, по другим статьям: к примеру, как "хулиганство" Это порождает ощущение безнаказанности. (КП 12.09.2006.)

Здесь Гудков намекает на интерпретации властей, согласно которым погромы в Кондопоге не были по своему характеру ксенофобские, а просто обычными уголовными делами и что участвующих в погромах осудили за «хулиганство». Данный комментарий был одной из редкой опубликованных в нашем материале критики властей за то, что они не признавали «ксенофобский» характер конфликта. (В большинство опубликованных комментариев властей критиковали за то, что они не признавали «межэтнический» характер событий, который обосновывали рассказами интервьюируемых о криках чеченцев «Аллах акбар» и «Бей русских» в течение драки.) Как говорились уже в связи с анализом новостного фрейма закона, мы разделяем тревогу Гудкова за то, что данное отрицание ксенофобского и расистского элемента создает ощущение, что данное поведения не является предосудительным.

Александр Ципко, политолог, главный научный сотрудник Института экономики РАН: - [---] Появился независимый Азербайджан. Но 2 миллиона граждан этой страны живут у нас! Треть грузинского этноса тоже здесь. Какой же смысл в этих независимых государствах, когда они не могут своим народам обеспечить нормальную жизнь и концентрируют все свое население на нашей территории?! [---] - Я не оправдываю ксенофобов. Но необходимо понимать, что для человека, выросшего в традиционной среде, появление мигрантов, представителей другой культуры, языка, образа жизни (да еще в таком количестве!) – это мощный психологический стресс. Тем более что русский этнос, к сожалению, проигрывает в конкуренции. Это наша расплата за коммунистический эксперимент. Мы стали нацией без промышленников, без торговцев. Это тоже правда. Так что понять раздражение людей, их неприязнь к мигрантам можно. Но понять – не значит оправдать или одобрить. Народу надо объяснять, что ксенофобия – это путь в никуда, что антикавказские настроения могут погубить Россию. В какую пропасть угодит страна, если от нас отойдет Северный Кавказ?! Это вообще конец. Лозунги "Россия для русских" или "Москва для москвичей" – это безумие! (КП 12.09.2006.)

В выше приведенной цитате Александр Ципко связывает ситуацию с распадом СССР и использует довольно резкие выражения о внешней политике бывших советских республик. Но также он объясняет ксенофобию экономической обстановкой. Он отмечает, что понимание явления все-таки нельзя довести до одобрения ксенофобии и подчеркивает, что народу надо объяснить, что «ксенофобия – это путь в никуда, что антикавказские настроения могут погубить Россию». Но, по Ципко, причина важности порицания явления вытекает не

из признания человеческих страданий жертв дискриминаций, а от того, что, согласно ему, ксенофобские и антикавказские настроения могут поставить под угрозу территориальную неприкосновенность России.

Далее статья продолжается двумя противоречивыми мнениями, касающимися предлагаемой криминальности других.

Михаил Виноградов психиатр: - [---] Из нищих республик бывшего Советского Союза в Москву едут тысячи мигрантов. И, к сожалению, едет криминал, едут те, кто не смог устроиться у себя на родине. Конечно, приезжают и талантливые люди, профессионалы. Но основная масса далеко не лучшая. Вахтанг Джанашия, политолог, кавказовед: – Позвольте не согласиться. Конечно, в Москву приезжают и недостойные. Но большинство – как раз люди приличные. Они честно работают, живут тихо, не общаются с милицией, не связаны с криминалом. Их не видно. А в глаза бросаются уроды, которые есть в каждом народе. Они и позорят нормальных работяг. [---] тогдашние власти устроили игрища на национальных чувствах, поддерживая то одну сторону, то другую. Результат – гражданские войны, развал экономики и миллионы вынужденных мигрантов... - Ксенофобия – это тупик. И чтобы вывести из него Россию, нужна продуманная национальная политика. Но она может существовать лишь как составная часть национальной идеи, способной объединить людей - независимо от их этнической принадлежности.» (КП 12.09.200.)

Здесь первый комментарий Виноградова представляет мнения первой группы, согласно которым причина ксенофобии лежит в криминальности этнически других. Но комментарий Вахтанга Джанашия выявляет, что, согласно механизмами группового разделения, от этнически других не отделяют тех, которые тихо живут, но те криминальные «уроды», которые имеют отличительный внешний признак, сразу же бросаются в глаза. Отметим, что именно по этой причине было бы важно, чтобы СМИ привнесли в публичный дискурс представителей данной тихого и «невидимого» ядра этнических групп и помогли создать более гетерогенную картину этнических меньшинств. Добавим еще, что те представители этнических меньшинств, которые совершают преступления, или «уроды», как Джанашия их называют, не просто «бросаются в глаза», а в большинстве случаев их выставляют перед нашими глазами именно СМИ, которые своим выбором героев повествования сильно влияют на то, какими мы представляем других.

Кроме вскрытия логики будничных стереотипов, Джанашия намекает на ответственность властей за «игрища» на национальных чувствах. В качестве «лекарства» ситуации он предлагает «продуманную национальную политику» и национальную идею, «способной объединить людей – независимо от их этнической принадлежности». На потребность объединяющей национальной идеи намекали во многих статьях нашего

материала. Но конкретных советов, как это может быть создано, построено, не дал никто. На наш взгляд, это требует и участия СМИ. Так долго, как крупнейшие средства массовой информации систематически поддерживают этническое разделение и проявляют этнические предрассудки против той или иной группы, в обществе практически не может развиваться чувство единства. Об отсутствии единой гражданской идентичности говорит и тот факт, что в анализируемом нами газетном материале, вышедшем в течение четырех месяцев, не опубликовали ни одной статьи, в которой Кондопогу рассматривали бы с точки зрения дискриминированных чеченцев.

В следующей и окончательной цитате из статьи в КП говорит представитель Академии экономической безопасности МВД России Гладких, который привлекает для дискуссии статистику и так корректирует неправильные представления о так называемой «этнической преступности».

«- [---] Согласен, большинство – законопослушные граждане. Но ведь и криминальные элементы тоже слетаются в столицу, как мухи на мед. Приведу официальные цифры. Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности, приезжие составляют 46,2%! Половина из них – наше ближнее зарубежье. Лидирует братская Украина. Но так как население украинцев от русских не отличает, то их преступления "тонут" в общем потоке. А кавказцы заметны. И поэтому их вклад в криминогенную обстановку кажется самым весомым. Хотя по количеству преступлений кавказские республики лидерами не являются: Азербайджан занимает 5-е место, Грузия – 6-е, Армения – 7-е".» (КП 12.09.2006.)

Как и Джанашия, так и Гладких подчеркивает, что представления об особенно криминально настроенных кавказцах не основываются на статистике, а чаще всего проистекают именно от заметной внешности представителей определенных групп или от тошноты, что именно представителей кавказских народов «ставят» под увеличительное стекло.

Как говорились выше, польза данных комментарии именно в том, что, рассматривая ксенофобские проявления с точки зрения науки, они помогают понять, что причины ксенофобии не лежат, например, в культурных различиях этносов, а чаще всего они связаны, например, с разделением экономических ресурсов и других сфер. Такие статьи, которые выявляют «кривизну» будничных гомогенных представлений и указывают, что отрицательные стереотипные картины о других и якобы их криминальности всегда включают в себя и большое количество невинных индивидуумов, могут помочь содействовать формированию антирасистских настроений. К сожалению, представленная выше статья окончилась такими пристрастными и расистскими комментариями читателей газеты, что их приведение здесь не добавит ничего нового к теме антирасизма.

Следующая цитата приведена из статьи, опубликованной в газете РГ в сентябре 2006 г. В ней речь идет о значении Кондопоги, о механизмах расистского разделения и формирования общественной толерантности. Интервьюируемый в цитате доктор философских наук Владимир Малахов считает, что события в Кондопоге были симптомом «серьезного кризиса всей общественной системы» и рассказывали в первую очередь о реакции граждан на коррупцию и неэффективность правоохранительных органов и властей. Кроме того, он подчеркивает комплексность разных аспектов ситуации и добавляет, что нельзя «подводить все происходящее под один знаменатель». Итак, хотя сама статья посвящена теме ксенофобии, интервьюируемый здесь специалист не характеризует кондопожские события ксенофобскими, а его представление ближе к интерпретации фреймов народного бунта и закона.

То, что произошло в Кондопоге, можно назвать межнациональным конфликтом? [---] То, с чем мы столкнулись в Кондопоге и, как выяснилось, не только там, социальный нарыв. Это симптом серьезного кризиса всей общественной системы. Здесь и проблема коррупции в органах власти, и неэффективность опять-таки во многом из-за коррупции правоохранительной системы, и отчаяние населения, чувствующего себя преданным той государственной машиной, которая призвана его защищать, и неразвитость правового сознания. Перед нами комплексный общественный и, увы, политический конфликт. Важно проанализировать его причины, [---] а не подводить все происходящее под один знаменатель. [---] - О чем говорят расисты? Что каждый человек от природы принадлежит определенной группе, будь то раса или нация. Что поведение человека запрограммировано его принадлежностью к той или иной группе. Что более высокое или низкое место группы на социальной лестнице определено ее изначальными свойствами. Раньше говорили, что они – в крови, теперь – что в культуре. Поэтому когда произносим: "чеченец", или "азербайджанец", или "еврей", то сразу возникают определенные ассоциации, связанные с этим словом. А это очень мешает видеть реальность. Вот говорят: "армянская диаспора". Но ведь люди, называемые этим словом, – совершенно разные и ведут разный образ жизни. Одни – выходцы из Армении, которые уже в третьем поколении живут в Москве, другие - трудовые мигранты, приехавшие сюда пару лет назад и соглашающиеся на любую работу. Эти люди между собой никак не общаются и никак не связаны, а мы подводим их под одну группу, называя армянской диаспорой.

Нельзя говорить: "Три кавказца ограбили банк" или "два славянина убили человека", потому что сами эти слова провоцируют нас на расистское восприятие действительности. Банк же грабят не кавказцы, а преступники, и убивают человека не славяне, а убийцы.

[---] Как вы относитесь к этой концепции толерантности? (...) – Бесспорно, это нужно. Но воспитывать можно в детском саду, в школе, а взрослого человека уже не воспитаешь, его формируют жизненные обстоятельства. Программы толерантности были бы хороши в сфере образования, культуры, в тех же СМИ. Нужно показывать российскому зрителю

полиэтничность и многонациональность нашего общества, что Россия состоит не только из русских.

В нашей стране живет много людей разных национальностей, которые занимаются полезными делами. И лишь ничтожная часть этих, условно говоря, этнических групп входит в преступные группировки и совершает правонарушения. Такой работы в наших массмедиа явно не хватает.» (РГ 27.09.2006.)

В конце цитаты Малахов описывает механизмы группового разделения и напоминает, что национальные и этнические группы на самом деле не такие когерентные, как мы представляем себе на будничном уровне. Кроме того, он подчеркивает роль СМИ в создании более полиэтнической и гетерогенной картины о российском обществе.

Следующая цитата взята из опубликованной в газете «Коммерсантъ» в сентябре 2006 года статьи. В ней особенно аналитически рассматриваются именно причины ксенофобии. Автор статьи – заведующий отделом "Левада-центра" социолог Лев Гудков, который участвовал в дискуссии, цитата из выступления которого в выше приведенной статье в газете КП уже была приведена. И здесь он объясняет ксенофобские проявления как социальную зависть и борьбу за ресурсы. Причиной роста ксенофобии он считает не только трудную экономическую обстановку в депрессивных зонах, но и «дух реванша», возникающий с начала второй чеченской войны, атмосферу «борьбы за терроризм», которая производит подозрительность и враждебность к «лицам кавказской национальности» и также падение авторитета государства, углубление административного произвола и коррупции в результате «укрепления государственной вертикали».

Уровень ксенофобии медленно поднимался на всем протяжении постсоветского времени. С начала второй чеченской войны, пронизанной духом реванша, показатели этнической неприязни, страха перед мигрантами и враждебности выросли настолько, что сегодня Россия превратилась в одну из самых ксенофобских стран в Европе. При этом особенность развития этих фобий в России заключается в том, что они связаны с падением авторитета государства. Экстремисты присваивают себе право указывать на те социальные и политические вопросы, которые, по их мнению, не хочет или неспособно решать руководство страны в силу своей беспомощности, коррумпированности (как в этом обвиняли местные власти и милицию жители Кондопоги) или равнодушии к проблемам людей. Развитию массовой ксенофобии способствовали несколько обстоятельств, провоцирующих социальную ненависть. Во-первых, атмосфера "борьбы с терроризмом", подогревающая подозрительность и враждебность к "лицам кавказской национальности". Во-вторых, "укрепление государственной вертикали", породившее еще большие административный произвол и коррупцию. В-третьих, быстрое социальное расслоение и порождаемая им социальная зависть, особенно в провинции, в хронически депрессивных зонах, где основная масса населения с трудом сводит

концы с концами. Неприязнь к этническим мигрантам представляет собой защитную реакцию на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или возможности сохранения своих позиций или интересов. Чувство тревожности усиливается из-за неуверенности, что власти в состоянии обеспечить "заботу" о "своих", общего недоверия к социальным институтам (местным властям, милиции, суду, политическим партиям, профсоюзам, правительству, парламенту и проч.). Значительная часть населения (в последние годы от 41 до 46%) уверена, что русские в России живут беднее, чем представители других народов, [---] Ксенофобия отражает здесь усилия населения, испытывающего комплексы ущемленности и неполноценности, по сохранению иерархического устройства социума, обеспечивая привилегии для "своих" и подчиненное положение "чужих". А потому отказывает им в признании таких же социальных, гражданских и политических прав, что и у этнического большинства. Одобрение запретительной политики по отношению к "чужим", установления системы барьеров и полицейских мер говорит о том, что те же факторы, которые предопределили массовые ожидания сильного лидера, "способного навести в стране порядок", покончить с "хаосом" правительства демократов, обусловили и рост ксенофобии." (Коммерсантъ 08.09.2006.)

В следующей цитате, которая взята от опубликованной в газете «Коммерсантъ» в декабре 2006 года статьи, речь идет о сниженном намерении населения совершать расистские действия. В статье Кондопогу рассматривают как тревожный сигнал, но говорят не о росте ксенофобских настроений, а о готовности людей совершать расистские поступки.

Парадокс 2006 года заключается в том, что резкого роста ксенофобских настроений данные социологов не показывали. Уровень ксенофобии в России вообще достаточно высок. [---] Регулярные и резонансные нападения на иностранцев начались в Воронеже в 2004 году и продолжались весь 2005 год. В Питере регулярные погромы и убийства на националистической почве начались еще в 2003-2004 годах. А с ноября 2005 по апрель 2006 года стали совершаться ежемесячно. Причем эти преступления уже невозможно было расценить как уличные эксцессы - за ними видна была сознательная воля к убийству, информация о котором получит широкий резонанс. [---] Однако сентябрьские события в Кондопоге перевернули наше представление о происходящем в России. "Ненависти не стало больше, стало больше тех, кто готов ее *выражать*", - считает Григорий Кертман из ФОМа. Кертман объясняет это преодолением комплексов неполноценности прошлых лет: с улучшением экономического положения у людей растет уверенность в себе и у некоторых проявляется в такой форме. "Уровень ксенофобских настроений действительно зафиксировался, но число расистских нападений растет: бытовая ксенофобия все больше выражается в действиях", - отмечает Галина Кожевникова из центра "Сова". [---] Кондопога обозначила перелом в официальном подходе к проблеме. Официальные лица, осудив погромы и экстремизм в целом, по сути признали существование проблемы, их породившей. Глава Карелии Сергей Катанандов рассуждал о "нашем народе" и "чужом народе", признавая возможность рассмотрения *дискриминационных требований кондопожцев*. [---] По данным

ФОМа, в сентябре лишь 20% россиян, слышавших о событиях в Кондопоге, осудили погромщиков, тогда как 50% сказали, что не осуждают этих людей. Типичные высказывания – "люди правы, они защищаются как могут"; "каждый народ борется за свое существование"; "их достали"; "они за русских постояли". Но в то же время позволила легализовать тему притеснения "чужих". С другой стороны, в то время как тема "чужих" постепенно становилась постоянным мотивом формируемой в государственных СМИ повестки дня, антифашистская и антиэкстремистская риторика девальвировалась благодаря тому, что околовластные структуры активно использовали ее для борьбы с политической оппозицией. *Экстремистами по большей части назывались не националисты-погромщики, а активисты леворадикальных организаций, чьи акции направлены исключительно против властных структур и носят порой хулиганский, но отнюдь не экстремистский характер.*» (Коммерсантъ 28.12.2006.)

В цитате автор немного иронично критикует власти за то, что, осудив ксенофобию и экстремизм в целом, им одновременно удалось дать комментарии, разделяющие население на «свои» и «чужие» народы. Особенно значительным в статье, по нашему мнению, все-таки является предложение «признавая возможность рассмотрения дискриминационных требований кондопожцев». Данная статья была в нашем материале единственной, в которой прямо констатировали, что требования жителей Кондопоги были по своему характеру *дискриминирующие*. Кроме того, она была одна из тех редких комментариев, в которых критиковали начиненную новостным фреймом народного бунта тенденцию представить участников погромов и совершителей расистских поступков просто как людей, протестовавших против властных структур, как будто погромы вообще не имели экстремистского характера.

В следующей цитате, помимо этого, намекали на трудное положение эвакуированных из города чеченцев, но, как видно ниже, «тревожную судьбу» довольно быстро оставили и ее не обсуждали детальнее в представленных в нашем материале статьях. Позитивное в цитате все-таки то, что в ней обращают внимание на использование термина «приезжие» и отмечают, что приезжие на самом деле – это всё население города Кондопоги.

Тревожна и неоднозначна судьба уехавших из Кондопоги чеченцев, местные власти предлагают им вернуться, но в то же время идет процесс расторжения договоров об аренде, а это означает, что возвращаться им некуда: нет аренды – нет работы, ведь часть их занималась ресторанным бизнесом. "Мы незаметно вползли в этот кризис", – говорит главный специалист постоянного представительства Чеченской Республики при президенте РФ Андарбек Яндаров. – Обвинять во всем приезжих – это путь в никуда". Тем более что Кондопога - молодой город, получивший статус города лишь в 1937 году, и там,

по сути, живут только приезжие, ведь мало кто может сказать, что у него в Кондопоге родилась бабушка или дедушка.» (РГ 26.09.2006.)

7.3. Позитивные практики

Как мы констатировали выше, в нашем материале не встретилось таких статей, которые представили бы проблему ксенофобии с точки зрения самих жертв дискриминации. Но в нашем материале опубликовано две статьи, в которых этнические меньшинства репрезентировали в особенно позитивном свете. Обе статьи были опубликованы в газете «Российская газета». В интервью представители этнических меньшинств констатировали о том, что они *не* испытывают дискриминацию.

Ниже приведенное интервью было опубликовано в конце сентября 2006 г., когда газеты писали о возможности «второй Кондопоги» в городе Вольск. В статье отношения между этническими группами представляют мирными и в ней подчеркивают, что прошедшие в Вольске события не имели ксенофобских характеристик и их не надо сопоставлять с Кондопогой. Так как обстоятельства в Сальске является нам не знакомым, мы не будем комментировать происходящего в статье отрицания расизма. Но мы констатируем, что данная статья была первая из тех двух позитивных примеров, в которых жизнь представителей национальных меньшинств представили в позитивном виде.

-Пьяные люди, что возьмешь, – комментирует происшедшее мой собеседник. – Нормальный человек в три часа ночи должен быть дома, я так понимаю. Ему 55 лет. Из них 31 год он живет в Вольске. Говорит: "Я не чувствую себя здесь чужим человеком". Арарат Киракосян – депутат районного собрания. Дважды туда избирался, оба раза – с рекордным результатом. В 2000 году собрал 82 процента голосов, в 2005-м – 76. Черный "Лексус", в котором Киракосян колесит по району, в сознании провожающих его взглядом и не столь состоятельных местных жителей уравновешен "Икарусом". Этот автобус регулярно курсирует между пригородом и Вольском, утром доставляя детей в школу, вечером – отвозя домой. Что автобус принадлежит Киракосяну и что за проезд не взимается ни копейки, всем хорошо известно. Начальник районного информационного центра Александр Головачев сказал мне: "Кто дурно отзовется о Киракосяне, тому не поздоровится. Если не весь город, то, как минимум, население Привольского округа поднимется на защиту этого человека". [---]

У вещевого прилавка мне давал интервью его постоянный хозяин Семен (назвать фамилию он счел необязательным). Семен – армянин. Приехал в Вольск из Азербайджана 24 года назад. У него здесь дом, семья. Раньше Семен был сапожником. Теперь торгует. Жена Гаянэ вместе с ним ездит в Москву закупать товар и помогает его продавать. Двое взрослых сыновей работают на

стройке. [---] Семен сказал, что со стороны коренного населения не испытывает никаких притеснений, погромов не боится и вообще все хорошо. [---] Другой торговец, азербайджанец Метин Мамедов (окончил Бакинский иняз, перебрался в Вольск в 2000 году, получил российское гражданство), прочел мне целую лекцию о дружбе народов: – Не надо делить людей на хозяев и гостей. Все мы гости на этом свете. Вот мы, азербайджанцы, приехали жить в Россию. Значит, должны уважать народ и законы этой страны. Если уважаем, значит, нам нечего бояться. Вольск – самый тихий, самый спокойный городок, какие я видел. Никакой опасности мы здесь не ощущаем. Ни один представитель национальных диаспор, а я беседовал как минимум с десятком, не выразил тревоги за себя и свою семью. Хотя и о Кондопоге, и о взрыве на Черкизовском рынке, и о прочих вспышках агрессивной ксенофобии многие наслышаны. (РГ 27.09.2006.)

Официальная газета РГ, которая в своих новостях систематически отрицала присутствие ксенофобского элемента, опубликовала и вторую обширную статью, в которой отношения между этническими группами представили особенно мирными. В ней освещали деятельность грузинской культурной общины. В статье говорит все-таки один глава, не члены община.

- Мне, как руководителю общины грузин, проживающих в Воронежской области, понятна проблема адаптации людей в инациональной среде. Не говорю о тех, кто, подобно мне, давно связал свою жизнь с Россией, ставшей для нас второй родиной. Многие приехали сравнительно недавно в поисках работы и средств существования. Грузины в целом люди мастеровитые, предприимчивые, не боятся трудностей, сами создают рабочие места, трудятся на строительстве и в сфере бизнеса, овладевают другими видами производственной деятельности. [---] Некоторые еще не могут понять, что они прибыли фактически в другое государство, что нужно уважать и соблюдать законы и традиции принявшей мигрантов страны, что их собственные представления и правила, если их выпячивать, могут не нравиться местным жителям.

Община "Багратиони" заявила о себе всего лишь год назад, [---]. Как смогли найти силы и средства на столь масштабное мероприятие? Довольны ли вы получившимся резонансом?

(...) - Свою духовно-культурную общину мы назвали "Багратиони" в честь грузинской царской династии, давшей известных просветителей, ученых, поэтов. В России чтят память генерала, героя суворовских походов и Бородинского сражения князя Петра Ивановича Багратиона – он из того же царского рода. Так что имя для нашей организации мы выбрали хорошее, объединяющее. И с первых же шагов почувствовали доброе отношение к себе Общественной палаты Воронежской области, ее председателя Бориса Прасолова, желание помочь нам в становлении и в наших начинаниях. [---] В Воронеже живет около пятисот грузинских семейств, а всего в области около трех тысяч грузин. Конечно, большинство из них не знают друг друга, не связаны никакими видами деятельности, кто-то уже утратил связь с прежней родиной, забывает язык, не учит ему своих детей. Думаю, это не правильно. Община "Багратиони" ставит перед собой цель помогать землякам лучше адаптироваться в новой среде,

формировать у них уважительное отношение к обычаям и традициям местных жителей. [---] Думаем мы и о перспективных проектах организации культурного туризма в Грузию для жителей Воронежской области, устройства летних обменных лагерей для школьников двух стран. [---]

- Знаете, мысль построить церковь во имя Иверской иконы Божьей Матери пришла мне во сне, как видение, как голос какой-то. Хорошо, что община поддержала, [---]. Городские власти поддержали, нашли уже и выделили место - близ окружной дороги на берегу реки Воронеж. Место красивейшее, [---]. Только не надо думать, что грузины, мол, строят ее для себя. Вера у нас с русскими единая, и службы будут для всех горожан, чаще на русском, иногда на грузинском языке. Я мечтаю, что наша церковь полюбится для венчания молодоженам, мы для них рядом и красивую беседку построим. [---] Главное, иметь светлую объединяющую цель - она уже сама по себе освещает жизнь, вокруг нее собираются добрые люди.

Ксенофобия появляется у тех, кто толком не знает и собственной национальности. (РГ 12.09.2006.)

В цитате глава общины говорит об объединяющих русских и грузинских культурных и религиозных традициях и культурных практиках. В отличие от большинства статей нашего материала, здесь подчеркивают особенно объединяющие, не разделяющие двух этносов детали.

Вероятно, что представленные здесь статьи связаны с проанализированным в главе 6.3. отрицанием ксенофобского элемента во фрейме закона. Мы считаем все-таки, что эти две статьи были самые лучшие антирасистские примеры в нашем материале.

8. Заключение

В данной дипломной работе мы поставили себе цель изучить, как описывали прошедшее в 2006-ого году в карельском городе Кондопога расистское волнение в четырех крупнейших российских газетах. Газетами для анализа были выбраны: «Известия», «Комсомольская правда», «Российская газета» и «Коммерсантъ». В докладе мы исходили из теоретического положения Роберта Майлса о расизме как идеологии, реализующейся в дискурсивных практиках, и считали, что нацеленные на чеченское меньшинство в Кондопоге погромы были по своему характеру именно расистскими поступками, которые заслуживают порицания. В работе мы имели эмансипаторский познавательный интерес и считали, что одна из задач науки – делать явными, очевидными продуцирующие дискриминацию и неравноправие практики.

В наш материал мы включили в итоге 250 касающихся Кондопоги новостей и статей, вышедших в период со 02.09.2006 до 31.12.2007. Мы считаем, что объем материала был достаточным для наших целей.

Перед подробным анализом газетного материала, в главах 3. Расизм и 4. Идентичность и групповое разделение мы представили теоретическую основу работы. В главе 3. *Расизм* речь шла об истории и изучении расизма как социального явления. В главе 4. *Теория и методы* мы представили используемую нами в анализе методологическую комбинацию: подход критического дискурс-анализа и метод фрейм-анализа. Как большинство работ по современному изучению культуры и общества, так и все используемые нами в данном исследовании теоретические представления основывались на моделях социального конструктивизма об обществе как строящейся с помощью коммуникации среде.

В нашем анализе в главах 6 и 7 мы разделили свой материал на две части. В первой части анализа, в главе 6. Анализ кондопожских новостей, мы вычленили в новостях главенствующие в них новостные фреймы. Ими являлись: *фрейм войны*, *фрейм народного бунта*, *фрейм закона* и играющий менее значительную роль *фрейм бизнеса*. В анализе фреймов мы обратили особое внимание на созданные групповые идентичности и предлагаемые ими разные роли деятелей.

Во второй части анализа, в главе 7. Анализ кондопожской дискуссии мы рассматривали прошедшую вокруг Кондопога обширную дискуссию. Из нее мы вычленили две группы мнений, которые интерпретировали кондопожские события по-разному. Согласно первой интерпретации, события были по своему характеру политические и не имели ксенофобских или расистских оттенков. Согласно второй интерпретации, Кондопога была сигналом о росте ксенофобских настроений и готовности населения к совершению ксенофобских поступков.

Что касается поставленного нами в начале работы вопроса: удалось ли газетам освещать кондопожские события объективно и беспристрастно, мы, к сожалению, должны ответить, что, хотя в нашем материале были опубликованы и чрезвычайно хорошие примеры объективной информационной передаче, главенствующими являлись все-таки статьи, в которых скорее содействовали, чем противодействовали расистским настроениям. Особенно проблематичными мы считаем опубликованные газетами КП и «Известия» тексты, в которых лица кавказских и каспийских народов репрезентировали фактически менее цивилизованными и даже не способными адаптироваться к правилам более культурного русского большинства. Кроме того, особенно проблематичные, на наш взгляд, были и опубликованные газетой КП анонимные комментарии читателей, среди которых были чрезвычайно предвзятые и придерживающиеся чисто расистские мнений. На наш взгляд, публикация таких банальных предубеждений не соответствует хорошим журналистским обычаям. Зато циркулирование таких анонимных утверждений из «личного опыта» в СМИ, которые большинство людей традиционно считают как достоверные и надежные источники информации, вероятно содействует расистским и ксенофобским настроениям. Как мы отметили в разделе 2.5. *Расизм и СМИ*, опубликованные в СМИ сведения легко люди считают достоверными и абсолютными фактами, которыми люди и обосновывают свои этнические предубеждения. Таким образом, мы считаем особенно важно, чтобы СМИ не публиковали такие банальные стереотипические предубеждения, какие были опубликованы газетами «Известия» и КП.

Мы констатируем, что опубликованные в нашем материале статьи, в которых оба кавказских и каспийских народа представили как менее культурными и инстинктивно криминальными, рассказывает также о том, что, на наш взгляд, применительно к России пока нельзя «говорить о зрелом медийном сообществе». Если мы сравниваем некоторые опубликованные в нашем материале статьи, например, с финским социокультурным контекстом, мы можем констатировать, что опубликование таких статей в крупнейших финских газетах считались бы абсолютно неполиткорректным. По нашему мнению, это

очевидно, что российский социокультурный контекст позволяет изданиям использовать довольно этноконфликтногенный язык и считаем, что часть опубликованных в нашем материале комментариев можно было бы рассматривать даже в контексте уголовного и гражданского законодательства как провоцирующие межэтническую и межконфессиональную вражду.

Кроме прямого распространения будничных предубеждений, особенно проблематичным в нашем материале являлись новостные фреймы войны и народного бунта, внутри которых продуцировались явно отрицательные этнические образы и представляли люди с неславянской внешностью как врагов, несущих социальную, экономическую и политическую угрозу русскому населению. Как типично для расистских репрезентаций, в новостях свойства отдельных лиц репрезентировали как характеризующие всех членов этнической группы. Созданию негативных этнических образов способствовали также утверждения журналистов о физической, интеллектуальной, духовной, моральной неполноценности той или иной этнической группы. Моральную неполноценность чеченцев основывали и двумя чеченскими войнами. Кроме того, было опубликовано большое количество статей, в которых представили отрицательные «национальные характеристики» и отличающиеся иноэтнические обычаи и привычки от русских.

Что касается признания расистского характера кондопожского инцидента, такое объяснение появилось на страницах газет только вместе с участием в дискуссии социологов и других специалистов. В новостях ситуацию определяли или как оборонительную реакцию русских на агрессию кондопожских чеченцев, как выражение недовольства коррупцией властей или как бытовым хулиганством молодежи. В тех новостях, в которых признавали этнический характер событий, чаще всего использовали понятие «межэтнический конфликт». Только в некоторых новостях газета «Коммерсантъ» намекали на «ксенофобские элементы» событий. Слово *расизм* не использовались ни в одной новости.

Непризнание расизма, вероятно, связано с этнологической некомпетентностью журналистов, которые, как и большинство людей, рассматривают мир через примордиалистские будничные категории и воспринимают этническую принадлежность человека как вечное и имманентное свойство, которое влияет на поведение человека. Кроме того, очевидно, что и журнальные практики и политические причины влияли на непризнание расизма. В новостях журналисты стремятся делать сложные события понятными публике. Они стремятся дать непростым ситуациям простые определения. В нашем материале в новостях систематически публиковали списки разных возможных объяснений Кондопоги, но чаще всего журналисты все-таки выбирали из них только одно, которое потом поддерживали

в новостной рамке. Параллельность и одновременность разных объяснений обсуждали только в последовавшей после инцидента более широкой дискуссии. В новостях ситуацию определяли или хулиганством, *или* народным бунтом, но не, например, народным бунтом *и* ксенофобией.

В начале исследования мы упоминали о необходимости рассматривать и положение чеченцев как граждан РФ. Во многих статьях нашего материала отмечалась необходимость утверждения всероссийской гражданской идентичности. К сожалению, данные стремления все-таки отсутствовали в содержании анализируемых нами статей. В большинство статей чеченцев описывали наглыми, дерзкими, насильственными бандитами, вообще в отрицательном свете. В новостях кондопожские события чаще всего описывали с точки зрения русского этноса, и оскорбления и материальный ущерб чеченцев были выкинуты из новостей. Статус чеченцев как законных граждан РФ был отмечен только в одном предложении, и этой темы не касались в других статьях.

В дискуссии о ксенофобии говорилось по большей части о причинах ксенофобских настроений. Зато следствий дискриминации не рассматривалось в нашем газетном материале. Иначе говоря, ксенофобию представили как проблему для русского этноса, имеющую угрозу для российского государства. Одновременно в статьях отсутствовала точка зрения тех индивидуумов, которые страдают от расизма. Часто ксенофобия считалась отрицательным и опасным явлением то того, что она способна ослабить российское государство, а не потому, что она ведет к человеческому страданию.

В нашем материале встретились и некоторые статьи, в которых представителей этнических меньшинств представили в довольно позитивном виде. К сожалению, такие статьи являлись в нашем материале все-таки особенно редкими, и их опубликовали только две, обе – в официальной газете «Российская газета». Данные статьи все-таки показывают, что именно СМИ играют решающую роль или в распространении и усилении ксенофобии, или в формировании общественной толерантности. Тот, как СМИ используют свой огромный потенциал, зависит не только от компетентности журналистов и от влияния политических и экономических факторов, но также от нормативной и законной регуляции, от реакций широкой публики и от работы исследователей СМИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Теоретическая литература

- Anderson, Benedict 1982. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso: Lontoo.
- Banton, Michael. 1987. *Racial Theories*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Berger, P. L., Luckmann T. 1966, *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Anchor Books: New York.
- Brubaker, Rogers 2004. *Ethnicity without groups*. Harvard University Press: Cambridge.
- D'Angelo, Paul. 2002. *News Framing as a Multiparadigmatic Research Program: An response to Entman*. *Journal of Communication* 52:4, 878-888
- Entman, Robert M. 1993. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication* 43:4, Autumn. 51-58.
- Fairclough, Norman 1997. *Miten media puhuu*. Vastapaino: Tampere.
- Gamson, William A., Lasch, Kathryn E. 1983. The Political Culture of Social Welfare Policy. Toim. S.E.Spiro ja E. Yuchtman-Yaar. *Evaluating the Welfare State. Social and Political Perspectives*. Academic Press: Paris. 397-415.
- Gittlin, Todd. 1980. *The Whole World is Watching*. University of California Press: Berkeley.
- Goffman, Erving. 1974. *Frame Analysis. An Essey on the Organization of Experience*. Harward University press: Cambridge, Massachusetts.
- Goldberg, D.T. 1993. *Racist Culture: Philosophy and the Politics of Meaning*. Blackwell: Oxford.
- Hall, Stuart 2005. *Identiteetti*. Vastapaino: Tampere. 5. painos, 1.painos 1999.
- Hamilton, D., Trollier, T. 1986. Stereotypes and stereotyping: An overview of the cognitive approach. *Prejudice, Discrimination, and Racism*. Toim. J.F. Dovidio ja S.L. Gaertner. Orlando, Fla.: Academic Press.
- Horsti, Karina. 2005. *Vierauden rajat: monikulttuurisuus ja turvapaikanhakijat journalismissa*. Tampere University Press: Tampere. Väitöskirja.
- Jokinen, Arja, Juhila, Kirsi, Suoninen, Eero 1993. *Diskurssianalyysin aakkoset*. Vastapaino: Tampere.
- Jakubowicz, A., Palmer, R. 2002. Framing Suharto. *Gazette* 64:2, 199-213.
- Jokinen, Arja, Juhila, Kirsi 2002. Diskurssianalyttisen tutkimuksen kartta. *Diskurssianalyysi liikkeessä*. Vastapaino: Tampere. 54-97.

- Karvonen, Erkki 2000. Tulkintakehys (frame) ja kehystäminen. *Tiedotustutkimuslehti* 2/2000.
- Leiwo, Matti, Pietikäinen, Sari 1996. Kieli vuorovaikutuksen ja vallan välineenä. *Pelkkää retoriikkaa*. Vastapaino: Tampere. 85-108
- Miles, Robert 1994. *Rasismi*. Vastapaino: Tampere.
- Montagu, Ashley 1997. *Man's Most Dangerous Myth. The Fallacy of Race*. AltaMira Press: Walnut Creek. 6. painos, 1. painos 1942. SAGE Publications: Lontoo.
- Phillips, L., Jorgensen M. 2004. *Diskurs Analiz. Teorija i metod*. Gumanitarnij Tsentr: Harkov.
- Reisigl, Martin, Wodak, Ruth 2001. *Discourse and discrimination. Rhetorics of racism and anti-Semitism*. Routledge: Lontoo.
- Rattansi, A. 1994. *Racism, Modernity and Identity on the Western Front*. Cambridge Polity Press.
- Rastas, Anna 2005. Rasismi. Oppia, asenteita, toimintaa ja seurauksia. *Suomalainen vieraskirja. Kuinka käsitellä monikulttuurisuutta*. Toim. Anna Rastas, Laura Huttunen ja Olli Löytty. Vastapaino: Tampere.
- Richardson, John E. 2007. *Analysing Newspapers. An approach from Critical Discourse Analysis*. Palgrave: New York.
- Rose, Steven, Lewontin, R.C, Kamin, Leon 1985. *Not in our genes: Biology, ideology and human nature*. Penguin: Harmondsworth.
- Solomos J., Back L. 1996. *Racism and Society*. Macmillan: London.
- Suoninen, Eero, 2002. Näkökulma sosiaalisen todellisuuden rakentumiseen. *Diskurssianalyysi liikkeessä*. Vastapaino: Tampere. 17-36.
- van Dijk, T.A. 2001. Multidisciplinary CDA: A plea for diversity. *Methods of Critical Discourse Analysis*. toim. R. Wodak, M. Meyer. SAGE Publications: Lontoo. 95-120.
- van Dijk, T.A. 1987. *Communicating Racism*. SAGE Publications: Lontoo.
- Väliverronen, Esa. 1996. *Ympäristötuhon anatomia*. Vastapaino: Tampere.
- Webster, Colin 2007. *Understanding Race and Crime*. Open University Press.
- Wetherell, Margaret 2002. *Identities, Groups and Social Issues*. SAGE Publications: Lontoo.
- Wetherell, Margaret, Potter, Jonathan 1992. *Mapping the language of racism. Discourse and the legitimation of exploitation*. Harvester Wheatsheaf: Lontoo.

Материалы, опубликованные в Интернете

Латышева, М. 2006. *Бюллетени Центра экстремальной журналистики*. Расследование. Освещение конфликта в Кондопоге (Карелия) российскими средствами массовой информации. 2010/#20. <http://www.cjes.ru/bulletins/?lang=rus&bid=2169> [Просмотрен 16.04.2010]

Кожевникова, Г. 2007. *Осень-2006: под флагом Кондопоги*. <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/883BB9D> [Просмотрен 16.04.2010.]